

ГОРДОН ЧАЙЛД

АРИЙЦЫ

ОСНОВАТЕЛИ
ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ЗАГАДКИ ДРЕВНИХ НАРОДОВ

Загадки древних народов

Гордон Чайлд

**Арийцы. Основатели
европейской цивилизации**

«Центрполиграф»

1926

УДК 94(3)
ББК 63.5

Чайлд Г.

Арийцы. Основатели европейской цивилизации / Г. Чайлд —
«Центрполиграф», 1926 — (Загадки древних народов)

ISBN 978-5-9524-5455-2

Известный британский историк и археолог популярно и увлекательно рассказывает о корнях и дальнейшем развитии древней арийской цивилизации. Основываясь на археологических, антропологических и лингвистических исследованиях, он рассказывает о происхождении ариев и о дальнейшем их расселении в бассейне Средиземного моря. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 94(3)
ББК 63.5

ISBN 978-5-9524-5455-2

© Чайлд Г., 1926
© Центрполиграф, 1926

Содержание

Предисловие	6
Транслитерации	8
Глава 1. Язык и предыстория	9
Глава 2. Первое появление ариев на страницах истории	16
Арийские династии в Месопотамии в XV веке до н. э.	16
Хеттская проблема	21
Археологические данные	24
Вторжение ариев в Индию	29
Иранцы в I-м тысячелетии до н. э.	34
Глава 3. Расселение индоевропейских народов в бассейне средиземного моря	38
Эллины и жители Эгейды	38
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Гордон Чайлд
Арийцы. Основатели
европейской цивилизации

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2020

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2020

Предисловие

Потрясающие открытия, сделанные на территории древних государств, некогда существовавших на Востоке, а также значительный прогресс в изучении доисторических цивилизаций Европы, особенно Греции, являются оправданным поводом для того, чтобы вновь обратиться к рассмотрению вопроса о происхождении и распространении тех языков, наследниками которых, наряду с древними греками, римлянами и индусами, мы являемся. Фактически за последние двадцать пять лет на английском языке не появилось ни одного сколько-нибудь полного исследования, посвященного арийской проблеме, хотя в течение этого времени удалось доказать минойские корни догреческой цивилизации Греции, присутствие правителей с арийскими именами в Месопотамии в XV столетии до н. э., а также наличие индоевропейских элементов в языке хеттов.

При изучении этого вопроса исследователя подстерегают многочисленные трудности. В один прекрасный момент филологи могут заявить, что термин «арии» является ненаучным. Конечно, традиционно он распространяется только на индусов и иранцев. Но какой термин должен быть применен для условного обозначения языковых предков кельтов, тевтонов, римлян, греков и индусов, если словом «арий» обозначать только индоиранцев? Безусловно, термин «индоевропеец» в данном случае не совсем удачен, и его даже нельзя считать научным, тем более теперь, когда точно установлено, что санскрит не является самым восточным форпостом индоевропейской семьи языков. Термин «носители», предложенный доктором Джайлсом, в определенном смысле более точен, но он кажется таким неуклюжим, что может вызвать усмешку. Вместе с тем термин «арий» кажется емким и вполне привычным. Поэтому я предлагаю и в дальнейшем употреблять его в привычном нам смысле.

Определенное внимание в книге уделено некоторым ключевым проблемам, вокруг которых до сих пор продолжаются острые дискуссии. Подход к ним в любой момент может измениться, благодаря новым открытиям, сделанным где-нибудь в Индии или в Каппадокии. Однако без таких дискуссий обойтись нельзя. Ожидать полного прочтения всех хеттских архивов или же ждать результатов раскопок очередного кургана в долине Инда было бы ошибкой. Поэтому наличие некоторой неопределенности в этой области знаний требует привлечения максимально полного объема источников. Такая попытка была предпринята нами в главах 2 и 3.

Состояние письменных источников, найденных на территории древневосточных государств и в бассейне Эгейского моря, оставляет желать лучшего. Поэтому исследователю не обойтись без привлечения данных археологии и антропологии. В нескольких последующих главах будут рассмотрены некоторые традиционные теории относительно «колыбели ариев» в свете новых достижений этих наук. При этом следует учесть, что антропологи и филологи несколько по-разному понимают термин «этнос». Проблема заключается в том, что связь между археологической культурой, основными элементами которой являются керамика, характерный набор инструментов и оружия, с определенной этнической или лингвистической группой зачастую является спорным. Только в редких случаях можно утверждать, что в определенной области смена одной культуры другой объясняется сменой одного этноса другим, и еще реже можно однозначно выделить новые черты. Чаще всего главенствующую роль играли другие факторы, такие как торговля и культурные заимствования или же просто эволюционное развитие. Вместе с тем новый этнический или лингвистический элемент мог проникнуть в данную область и не оставить заметных следов в культуре местного населения. Как наука, основанная на абстракции и сравнении, первобытная археология не может претендовать на конкретность, присущую истории. Поэтому, оперируя столь разноречивыми данными, я преднамеренно упростил – возможно, даже слишком – свой подход к этнической истории Европы и

Азии, не перегружая страницы своего труда массой понятных только для специалиста подробностей, которые сильно затруднили бы восприятие материала.

Транслитерации

Палатальные согласные представлены в индоевропейских языках звуками *k*, *r*, *gh*. Соответствующие звуки в санскрите передаются звуками *c*, *j*, *jh*, а палатальная *s* через *ś* (произносится подобно *sh*).

Санскритские лингвальные согласные пишутся *t*, *th*, *d*, *s* (произносится *śh*) и п.

Санскритская анушвара *h* произошла от конечного *s* или *r*, который, однако, иногда сохраняется для ясности.

В древнеперсидском языке *s* произносилась как *śh*, как и в других языках, использующих клинопись, а также в среднеперсидском языке.

В готском языке символ *q* использовался для передачи звука, напоминающего *th*.

В литовском языке сочетание *sz* произносится *śh*; *w* как *v*, *j* как *y*; *a* и *e* являются носовыми гласными, *y* произносится как твердый *i*, точно так же как и по-русски.

Точные различия в произношении букв *t*, *k*, *c* тохарского языка являются несущественными; они соответствуют определенным символам в тохарских текстах; другими словами, тохарская орфография приспособлена для соответствующих звуков в санскрите.

Глава 1. Язык и предыстория

Прогресс человечества от состояния дикости к цивилизации неразрывно связан с прогрессом абстрактного мышления, которое позволило ему подняться над хаосом чувственных восприятий и создать вокруг себя упорядоченный космос. В свою очередь, прогресс разума идет рука об руку с развитием языка. В своей основе современная интеллектуальная деятельность в очень значительной степени базируется на синтезе слуховых и физических ощущений или образах, которые дают нам слова. Они не только являются средством общения, но также и носителями абстрактных идей. Слова – продукт мыслительной деятельности, следовательно, разговорный язык отражает менталитет своего носителя, и не только отражает, но и сохраняет образ мышления, присущий носителю этого языка. Кроме того, уровень интеллектуального прогресса в том или ином случае может быть в значительной степени измерен степенью утонченности этого языка. Соответственно, если какой-нибудь народ получает в наследство тонкую лингвистическую структуру, это дает ему больше преимуществ на пути к прогрессу.

Поэтому филология с полным правом может занять свое место среди исторических дисциплин, в задачи которых входит воссоздать и осмыслить тот путь, который человек проделал от животного состояния до дикости, от дикости до варварства, от варварства до цивилизации. Первые болезненные шаги на этом пути не нашли никакого отражения в письменных источниках. Особенно это касается ранних культур, от которых произошли современные цивилизации Европы и Америки. Археология в союзе с антропологией может пролить яркий свет на более поздние стадии этого процесса; она может определить те материальные ресурсы, благодаря которым определенные культуры возникли и достигли стадии процветания, а также направления торговых путей и миграций населения, которые способствовали их росту. Но особенности развития некоторых групп населения, добившихся значительных успехов, не находят объяснения в абстрактных материальных терминах. Почему, например, Европа, вступившая в гонку на 1500 лет позже Месопотамии и Египта, обогнала этих пионеров в деле цивилизации человечества на целое тысячелетие? Почему цивилизации нашего континента продолжали успешно развиваться, тогда как цивилизации Древнего Востока находились в состоянии стагнации или вообще пришли в упадок? Благоприятные климатические условия, наличие определенных природных ресурсов, удачное переплетение торговых маршрутов не могут в полной мере объяснить этот феномен; вне поля зрения исследователя остается факт личной инициативы, который никак нельзя сбрасывать со счетов. Конечно, археология не может уловить конкретных поступков того или иного человека, жившего в доисторические времена. Но приближение к этому в терминах этнической индивидуальности достижимо при помощи филологии. Язык, хотя и является абстракцией, все же служит более тонким и чувствительным критерием индивидуальности, чем культурная группа, критерием для выделения которой является определенный набор кремней и керамики или же черепов, по которым специалисты выделяют «расы». Это особенно актуально для Европы, где поворотный пункт в культурном развитии скрывается во мраке доисторического периода, поэтому применение только что упомянутых лингвистических принципов в данном случае представляется наиболее оправданным.

Большинство языков Европы, Америки и Индии в настоящее время относится к индоевропейской семье языков. Предки этих современных языков распространялись от Атлантики до Ганга и Тарима за много столетий до начала нашей эры; вероятно, все они произошли от одного общего языка – предка (или, скорее, группы диалектов), который сравнительная филология может реконструировать с большой степенью точности. Естественно, на этом языке-предке должен был разговаривать определенный народ. Носителей этого языка мы называем ариями, и относительно их мы можем сказать две определенные вещи.

Во-первых, к какой бы расе или расам они ни принадлежали, они должны были обладать неким духовным единством, нашедшим отражение в их языке. Своим языковым потомкам они завещали не только определенные типы черепа и некие физические характеристики, но нечто гораздо более ценное, а именно осознание своей духовной общности. Любопытно, кто сомневается в этом, может сравнить почетную надпись, вырезанную арием Дарием на скале в Бехистуне, с преисполненными самовосхвалением надписями ассирийских правителей Ашурбанипала или Небушадреззара.

Во-вторых, индоевропейские языки и их предполагаемый предок были исключительно тонкими и гибкими инструментами для выражения мыслей. Их отличительной особенностью было, например, наличие отглагольных существительных, и с их помощью можно было строить придаточные предложения, которые могли выражать концептуальные отношения в цепи умозаключений. Из этого следует, что арии, вероятно, обладали исключительными умственными способностями, наслаждаясь достижениями достаточно высокой материальной культуры. Это больше чем простое умозаключение. Отнюдь не случайно, что первые крупные успехи в естествознании были достигнуты именно греками и индусами, а не вавилонянами или египтянами, несмотря на наличие у них значительных материальных ресурсов и их замечательные успехи в технике, например в астрономии. В плане насыщения нравственностью религии арии также сыграли заметную роль. Первые мировые религии, которые обращались ко всем людям, независимо от их расовой или национальной принадлежности, такие как буддизм и зороастризм, были созданы ариями и проповедовались на арийских языках.

Весьма возможно, что иранец Зороастр оказал влияние даже на еврейских пророков в плане восприятия ими идеи божественности, которая развилась от неких племенных воззрений, а также в распространении идеи определенного миропорядка, в котором правили персонифицированные силы природы, или духи. Со всей определенностью можно утверждать, что концепция Божественного Закона, или Космического Порядка, связана с первыми ариями, которые появились на страницах истории примерно 3500 лет назад. Даже самые первые арии уже поклонялись по крайней мере одному божеству, Небесному Отцу¹, который, хотя и имел антропоморфный, материальный и варварский облик, был, однако, возвеличен гораздо выше безымянных духов и волшебных сил, характерных для периода дикости.

Потенциальные возможности языка ариев были пригодны не только для интеллектуальных занятий. По всей видимости, поэзия, в которой определенная метрическая структура соседствует с благозвучными словами и которая призвана воплощать красивые идеи, является исключительно арийским изобретением: семитская поэзия, например, не опирается на правильную метрическую структуру, включающую в себя определенное число слогов в стихе. Соответствия между метрической структурой индийских Вед, иранских гат и лирических стихов греческих поэтов фактически позволяют нам предполагать существование некой общей метрической традиции, унаследованной от более ранней эпохи.

Таким образом, данные филологии свидетельствуют о существовании народа, язык которого обладал большими потенциальными возможностями. Потомки этого народа играли ведущую роль не только в Европе, начиная с самых ранних этапов истории, но и в Западной Азии в 1-м тысячелетии до нашей эры. Хотелось бы надеяться, что плодотворное сотрудничество между двумя такими дисциплинами, как филология и археология, по крайней мере в этой области, позволит решить некоторые проблемы, которые любая из этих наук по отдельности решить не в состоянии.

Как выясняется, на индоевропейских языках, когда они впервые появляются в поле нашего зрения в середине 2-го тысячелетия до н. э., уже разговаривало несколько различных народов. Праязык, от которого они все произошли, не оставил после себя никаких сле-

¹ На санскрите он назывался Dyaus pita, у греков Zeus, а у римлян – Jupiter, Teut, Tiu.

дов в письменных документах, и мы можем только приблизительно реконструировать его с помощью сравнительных методов. Филологи сегодня насчитывают одиннадцать групп языков, произошедших от единого арийского корня, каждая группа, в свою очередь, включает в себя множество языков, кроме того, каждый из этих языков за время своего бытования успевает разделиться на несколько диалектов. Основными группами индоевропейских языков, существующих в настоящее время, являются: 1) кельтский, представленный гэльским, ирландским, мэнским (язык жителей острова Мэн), уэльским и бретонским языками, но некогда он охватывал обширные области в Западной и Центральной Европе; 2) германские языки, включающие в себя англосаксонский, голландский, немецкий и скандинавские языки; его наиболее ранними письменными памятниками являются переводы Евангелий, осуществленные Ульфиллой на готский язык около 500 года н. э.; 3) итальянская группа – латинский, языки осков и умбров, все они фиксируются около 400 года до н. э. – их современными потомками являются итальянский, французский, испанский, румынский и некоторые другие языки; 4) албанский, предками которого, возможно, являются древние иллирийский и фракийский языки; 5) греческий, в классические времена делившийся на четыре диалекта; 6) славянские языки – русский, польский, чешский, хорватский, сербский, болгарский и много других – самые ранние письменные памятники, зафиксированные на староболгарском и церковнославянском, относятся приблизительно к 900 году н. э.; 7) к балтской семье относятся литовский и прусский языки, а также язык леттов, письменная фиксация всех их происходит довольно поздно; 8) армянский, литература на котором появляется в VI веке н. э.; 9) иранские диалекты, ранее всего зафиксированные, с одной стороны, в древнеперсидских надписях царей из династии Ахеменидов, а с другой – в гатах и в более поздних священных книгах среднеперсидского периода. Затем иранские языки делятся на громадное число диалектов, некогда распространенных на огромной территории от Восточного Туркестана до Кавказа и Европы (включая и алан), потомками которых являются осетинский, курдский, персидский и множество других языков; 10) индийская группа, прежде всего санскрит, затем древний пракрит и, наконец, современные языки; 11) тохарская группа представлена ныне вымершим языком с двумя диалектами, известными только по древним рукописям, недавно найденным при раскопках древних городов долины Тарима и, вероятно, датирующимся второй половиной 1-го тысячелетия н. э.

Эти одиннадцать групп, без всякого сомнения, представляют собой только незначительную часть от общего количества арийских языков, которые некогда существовали. Дошедшие до нас скудные фрагменты фригийского, месопотского и венетского языков позволяют предположить, что эти ныне мертвые языки также принадлежали к индоевропейской семье. А сколько еще было других, которые исчезли, не оставив после себя никаких следов. Во время написания этой книги весьма неожиданно были обнаружены следы одного из арийских языков, на котором разговаривали в Каппадокии во 2-м тысячелетии до н. э. На самом ли деле предложенное деление на одиннадцать групп следует считать окончательным? Было предпринято немало попыток, чтобы упростить данную классификацию.

И на самом деле, эти одиннадцать групп можно сократить до девяти. Балтские языки, хотя они и более архаичные, по своей фонетике, структуре, синтаксису и словарному запасу настолько близко примыкают к славянским языкам, что эти две группы можно для удобства рассматривать как единую группу, именуя ее балто-славянской. Точно так же, даже еще с большим основанием, в единую группу можно объединить индийские и иранские языки: санскрит Ригведы и тот иранский язык, на котором выполнены надписи Дария Великого и гаты Зороастра, так похожи, что их можно рассматривать как диалекты одного языка. Действительно, тесные связи между индусами и иранцами прослеживаются не только по данным лингвистики. Оба народа сами себя именовали ариями (Aryas, Airya, Ariya), оба когда-то называли одними и теми же именами реки и местности (например, Сарасвати и Харья Уватис), поклонялись одним и тем же божествам (Митра, Арьяман, Насатья и т. д.), пели им гимны со сходной метриче-

ской структурой, пили священный напиток сому и придерживались других обрядов, которые выполнялись под руководством жрецов, именовавшихся *hotar – zoatar*, *Atharvan – athravan*. Наличие подобных соответствий позволяет нам сделать вывод, что индусы и иранцы являются двумя ветвями одного и того же народа, которые долгое время жили совместно после распада индоевропейской общности.

Каждая из оставшихся девяти групп имеет наиболее тесные связи со своими непосредственными соседями. Тем не менее некоторые подобия в ограниченных областях можно обнаружить между ними всеми, и их следует рассматривать как свидетельства близкого родства. Наиболее ярко это проявляется в фонетике, и фонетические изменения, то есть изменения в произношении, действительно представляют очень важную особенность любого языка и могут рассматриваться как один из основополагающих этнических признаков. В основу самого деления легло произношение некоторых гортанных звуков, особенно *к*. Индоиранцы, армяне, балто-славяне и, очевидно, фракийцы проносили *к* как свистящий звук *s*, все остальные группы сохраняют этот звук (который становится *h* в древнегерманском языке в соответствии с законом Гримма). Языки, в которых замена звука *к* на *s* получает дальнейшее смягчение, представлены латинским и германскими языками, в них он превращается в звуки *q* и *g*. Ключевым словом, которое наглядно демонстрирует различия между этими двумя группами, является название цифры «сто». Эти группы соответственно называют сатем и кентум.

Ранее подобному делению придавалось большое значение, так как считалось, что все языки группы сатем были распространены в Азии или же на самом востоке Европы, тогда как языки группы кентум были распространены западнее. Казалось, что употребление гортанных звуков соответствует не только географическому, но и лингвистическому делению языков. Это мнение было поколеблено в течение последнего десятилетия; древние рукописи, выполненные индийским письмом, были обнаружены среди развалин городов в Турфанском и Хотанском оазисах; оказалось, что они написаны на одном из арийских языков, а именно тохарском, который принадлежал к группе кентум! Таким образом, получается, что распространение языков группы кентум не было ограничено только Европой; к этой же группе принадлежал и самый восточный из всех индоевропейских языков, на котором разговаривали в VIII веке н. э.! Чтобы снять это противоречие, была предпринята попытка доказать, что тохарский язык сравнительно поздно появился в китайском Туркестане и был занесен туда бродячей шайкой кельтов. Однако нельзя сказать, что попытки найти близкое родство между тохарским и кельтским языками, как, впрочем, и с любым другим языком группы кентум, увенчались успехом. Тем не менее тохарский язык существенно отличается не только по своему фонетическому складу, но также и по словарному запасу и грамматике от других арийских языков Азии – иранского и индийского; более того, в нем прослеживается целый набор слов, который характерен для европейских языков². Следовательно, открытие тохарского языка не способно окончательно поколебать деление индоевропейских языков на группы сатем и кентум, а лишь ставит перед нами очередные проблемы.

Имеются, разумеется, и другие фонетические особенности, характерные не только для одного языка или группы языков. Так, например, в греческом языке, точно так же как и в иранских языках, происходит замена начального или интервокального *s* в *h* в большинстве случаев. Опять-таки в большинстве кельтских языков, в двух итальянских диалектах (оскский и умбрский), а также в эолийском диалекте греческого языка происходит лабиализация *q*. Но в древнеирландском и гэльском языках, в двух итальянских диалектах этот звук является гортанным, в то время как в других греческих диалектах происходит его лабиализация только перед *o*, а перед *e* и *i* он превращается в *t*. Эти особенности не вписываются в фундаментальные классификации, они просто присутствуют в первом случае в индоиранских и греческом

² В их числе можно упомянуть *salvi* – «соль», *alyek* – «озеро», «рыба».

языках, а в другом – в итальянском, кельтском и греческом языках. Поэтому они не соответствуют известному нам делению. Следует также отметить, что деление языков на группы сатем и кентум основано только на их фонетических особенностях, но оно подтверждается другими совпадениями, основанными на их грамматической структуре или же словарном запасе. Так, например, греческий язык, относящийся к группе кентум, и санскрит (сатем) по принципам образования глаголов стоят гораздо ближе друг к другу, чем санскрит и славянские языки или же греческий и латинский языки. Опять-таки в индоиранских и греческом языках имеется большое число сходных слов, которые не встречаются в других индоевропейских языках. С другой стороны, во всех европейских языках, как группы кентум, так и группы сатем, можно найти большое число слов, которые не встречаются в индоиранских языках.

Чтобы более наглядно проиллюстрировать нашу концепцию о глубокой взаимосвязи девяти индоевропейских лингвистических групп, было бы целесообразно обратиться к языкам романской группы. Как известно, французский, испанский, португальский, каталонский, итальянский, румынский и другие языки этой группы произошли от различных диалектов латинского языка – но не того литературного языка, на котором писали Ливий или Тацит, а того, который звучал в военном лагере или же на рынке. Эта простонародная латынь, как ее называют, должно быть, некогда была понятна всем, кто на ней разговаривал, на громадных пространствах от Черного моря до Атлантики. После крушения Римской империи она распалась на ряд местных диалектов, каждый из которых был понятен только ближайшим соседям. Затем, по воле случая или благодаря усилиям известных писателей своего времени, эти диалекты стали официальными и литературными языками новых варварских королевств – диалекты Северной Кастилии и *Ele de France*, например, стали средством повседневного общения соответственно в королевствах Испания и Франция. Эти государственные языки постепенно поглотили прежние диалекты до такой степени, что теперь при пересечении государственной границы вы попадали в страну с совершенно чуждым вам языком. При этом те языки, на которых теперь разговаривали по обе стороны границы, произошли от простонародной латыни.

Лингвистические различия, которые теперь отличают одну нацию от другой, явились следствием фонетических особенностей (то есть различий в произношении латинских звуков, характерных для той или иной территории), новшеств в склонении существительных и в синтаксисе, заимствования новых слов, будь то непосредственно из латыни или же из новых образований, основанных на латинских корнях, или же слов из местных языков, распространенных в той или иной области еще до прихода римлян и позднее заимствованных у завоевателей или соседей. Подобные расхождения были неизбежными, и в случае с фонетикой действовали определенные «законы»; однако такие фонетические модификации не затрагивали слова, заимствованные несколькими языками после их выделения в качестве самостоятельных величин. Речь идет о словах типа «телефон» или «табак». Таким образом «новые» слова можно отличить от тех, которые были унаследованы от прародителя, от простонародной латыни. Сравнивая несколько разных языков и применяя фонетические и другие «законы», благодаря которым произошла их дифференциация, и устраняя более поздние заимствования, мы можем приблизительно реконструировать родительский язык, даже если не осталось никаких надписей на твердых материалах или прочих письменных памятниках, в которых он был бы отражен.

Различия, которые отличают одну от другой существующие индоевропейские группы языков, по своей сути имеют ту же самую природу, что и в романской группе языков. В царстве фонетики действуют те же самые правила; с помощью универсальных «законов» можно определить все изменения в произношении первоначальных арийских слов и установить их первоначальный вариант. С их помощью можно также отличить более поздние заимствования от тех слов, которые входили в состав праязыка. В данном случае процесс разделения языков зашел гораздо дальше, чем в пределах романской группы; отдельные языки в некоторых

случаях обогатились за счет новых заимствований, которые наложились на старую основу³, в некоторых из них обозначилась тенденция к упрощению грамматики путем приспособления отдельных образований к более привычным типам⁴. Эти изменения, естественно, повлекли за собой соответствующие модификации и в синтаксисе. В конечном итоге получились громадные расхождения в словарном запасе, что и неудивительно; многие из арийских языков поглотили другие древние языки, сохранив от них в своем составе много названий для новых вещей или понятий. Культура самих ариев развивалась очень быстро, а это требовало создания все новых названий. Как и в случае с романскими языками, мы можем восстановить первоначальный язык ариев, используя сравнительные методы.

Однако к аналогиям следует относиться с известной долей осторожности. Было бы неправильно полагать, что праязык, подобно, скажем, латыни, был вполне сформировавшимся языком с устоявшимся словарным запасом и четкими грамматическими нормами. Такой язык может существовать только при наличии устойчивого и хотя бы частично централизованного государства, при этом он должен быть отображен в письменных памятниках, а также в народном эпосе, сказках, преданиях и т. п. То, что мы обычно называем «языками» – будь то язык современных газет, греческих историков или вавилонских законодателей, – не могло существовать в той социальной и материальной среде, в которой жили первобытные арии (см. главу 4). Фактически филология говорит нам о том, что праязык должен был находиться в состоянии постоянного изменения от одной общины к другой, от одного поколения к другому – произношение, склонение и значение отдельных слов должно было понемногу меняться. Методы сравнительного анализа могут дать нам только некую усредненную величину, которая игнорирует все эти изменения. Опять-таки те же самые причины, которые привели к широкому распространению латинского языка, – создание империи, управляемой из Рима, – предполагают наличие очень высокой социальной организации, однако в данном случае этот тип языковой диффузии нам не подходит.

Тем не менее отмеченная аналогия может навести нас на определенные размышления. В первую очередь, распространение латинского языка по Римской империи предполагает наличие римского народа, который сначала создал этот язык, а затем и разговаривал на нем. С другой стороны, их языковые наследники, которые разговаривают на языках романской группы, не принадлежат ни исторически, ни антропологически к единому народу. Например, французы и испанцы в своей массе являются потомками лигуров, иберов и кельтов, которые заняли территорию Галлии и Испании еще в доримские времена. Впоследствии они смешались с новыми этническими компонентами, которые попали туда в результате миграций или завоеваний, – готами, аланами, норманнами, бургундами и прочими, к которым со временем прибавились цыгане, евреи и другие бесприютные странники. Так что один язык – это не то же самое, что один народ. Это утверждение представляется настолько важным, что я рискну проиллюстрировать его другим примером. Языки банту, на которых разговаривают на огромных пространствах Африки от Великих озер до мыса Доброй Надежды, по меньшей мере имеют близкие связи с арийскими языками. Их носители включают представителей различных физических типов.

В свою очередь, современные языки Франции, Испании и Румынии появились отнюдь не в результате завоевания или колонизации этих территорий французами, испанцами или румынами. Сначала получил распространение единый язык, причем не столько благодаря заселению римлянами этих территорий, сколько благодаря успехам римских легионов; затем для удобства речь завоевателей стала использоваться в провинциях для ведения различных дел. Самостоя-

³ Так, в древнегреческом языке пассивная форма глаголов, в санскрите пассивная форма и будущее время глаголов, а в латыни все времена, за исключением настоящего и перфекта, появились благодаря заимствованиям.

⁴ Например, замена двух форм перфекта или аориста с основой на -s в латинском языке перфектами с основой на vi- или -ui.

тельные языки развились от одного в отдельных областях. В таком виде «теория волн», представленная на суд общественности Иоганном Шмидтом в 1872 году и позднее получившая развитие в трудах Пиктета и Исаака Тейлора, дает наиболее вероятный ответ на вопрос о причинах столь широкого распространения индоевропейских языков. Ранее филологи полагали, что их распространение явилось результатом расселения из единого центра; по мере продвижения вперед поток растекался в разные стороны, а затем каждая из ветвей, в свою очередь, опять делилась на отдельные группы, каждой такой группе соответствует определенный язык. По мнению Шмидта, дифференциация индоевропейских языков объясняется распространением лингвистических модификаций из различных центров в пределах обширного континуума. Это мнение вполне согласуется как с фактом несомненного родства различных индоевропейских языков, так и с теми выводами, которые мы получили при рассмотрении романских языков.

Тем не менее прежнюю гипотезу можно привлечь для объяснения не совсем обычного географического положения носителей некоторых арийских языков. Так, например, с помощью теории Шмидта очень трудно объяснять ситуацию с тохарским языком, который являлся островком языка кентум (с характерными для европейских языков особенностями в грамматике и словарном запасе) в море языков группы сатем, характерных для Азии. В данном случае вполне правдоподобным выглядит предположение о переселении туда носителей этого языка. Вместе с тем сходство между арийскими языками настолько велико, что это позволяет предположить, что они появились в некоей ограниченной области. Колыбель арийских народов, вероятно, имела некоторые общие географические характеристики; лингвистические данные позволяют нам предполагать существование нескольких близких диалектов, получивших распространение в пределах некоей области с более или менее однородными природными условиями. Тот факт, что все арийские народы по крайней мере одно общее для всех их божество, позволяет нам пойти в своих предположениях еще дальше; это не предполагает наличия у них политического единства, но, во всяком случае, наводит на мысль, что носители праязыка представляли собой единый народ. Для того чтобы объяснить распространение индоевропейских языков на ранних этапах истории, мы должны рассмотреть гипотезы об экспансии, миграции, завоевании или постепенной инфильтрации, благодаря которым арийская речь и религия распространились из «прародины» на новые территории. В этом и заключается главная задача этой книги. Сперва мы попробуем ограничить область поисков, определив местонахождение нескольких арийских народов в тот момент, когда они появляются на страницах истории. Затем мы постараемся определить с помощью данных археологии тот общий центр, из которого они появились. Мы попытаемся выделить изначальную материальную культуру ариев, а также определить их прародину в свете тех данных, которые дает нам сравнительное языкознание. После этого станет возможным проследить пути перемещения ариев к тем местам их проживания, которые подтверждены историческими свидетельствами. Совмещение двух направлений исследования должно подтвердить или опровергнуть правомерность наших выводов.

Глава 2. Первое появление ариев на страницах истории

Арийские династии в Месопотамии в XV веке до н. э.

Арийские народы сначала появляются из мрака предистории на северных границах так называемого Плодородного Полумесяца Древнего Востока. Самые древние арийские имена и слова, которые дошли до нас, зафиксированы на клинописных табличках из Вавилонии, Египта и Каппадокии. Но первые арии в этих областях, история которых освещена в письменных документах начиная с конца 4-го тысячелетия до н. э., являются всего лишь поздними пришельцами. Вторгнувшись в Месопотамию и сопредельные с ней страны, они оказались в областях, занятых народами, говорившими на языках других групп.

Начиная с самых ранних этапов истории долины рек Тигра и Евфрата были заселены двумя неиндоевропейскими народами – шумерами и аккадцами, которые разговаривали на одном из семитских языков. Последние, хотя и заселяли южную часть Месопотамии с самых ранних времен, оставили некоторые следы своего присутствия и севернее, например в Ашшуре, расположенном в среднем течении Тигра, в то время как художественные изделия шумеров, если не сами шумеры, проникли даже в Астрабад, расположенный на берегах Каспийского моря. Аккадцы тесно смешались с шумерами в Вавилонии и заняли западные равнины, простиравшиеся вплоть до сирийского побережья и Синая. Эти два народа сообща создавали изумительную цивилизацию Месопотамии, памятники которой известны нам с середины 4-го тысячелетия до н. э. Они образовали большие империи, которые распространяли их культуру по всем сопредельным странам. Около 2700 года до н. э. правители города Аккада распространили свою власть вплоть до берегов Средиземного моря и, вполне вероятно, на Каппадокию. В любом случае вскоре после 2500 года до н. э. крупная аккадская колония, поддерживавшая близкие политические и торговые отношения с Ассирией и Вавилонией, появилась в долине реки Галис, в ключевом пункте, контролировавшем торговые пути, которые вели как к Черному, так и к Эгейскому морю.

В месопотамских надписях и в памятниках изобразительного искусства также можно найти сведения и о других народах, населявших соседние горные районы, однако, по всей видимости, ни один из них в 3-м тысячелетии до н. э. не относился к числу индоевропейских. К востоку от Месопотамии жили эламиты, разговаривавшие на языке неизвестного происхождения и создавшие собственную высокоразвитую цивилизацию⁵. Горные местности к северу от территории современного Ирака были, возможно, уже заселены народами малоазийской группы, язык которых был зафиксирован в более поздних хеттских, митаннийских и ванских текстах. Наши источники не дают нам никаких указаний на присутствие ариев в пределах занимаемой ими области вплоть до 2000 года до н. э.

Но к середине 2-го тысячелетия до н. э. в пределах Плодородного Полумесяца появляются правители с арийскими именами, наследовавшие цивилизацию, созданную шумерами и аккадцами. Обстоятельства их появления там не дошли до нас; династия Хаммурапи, которая в конечном итоге объединила Месопотамию под властью Вавилона, была свергнута около 1900 года до н. э., и последовавшие после ее падения события почти не нашли отражения

⁵ Бесспорные памятники эламитами языка относятся к гораздо более позднему времени, однако встречающиеся в более ранних надписях имена царей позволяют нам предполагать, что этот язык существовал уже в 3-м тысячелетии до н. э. В настоящее время обнаружены памятники эламитами языка, относящиеся по крайней мере к рубежу 4-3-го тысячелетий до н. э. Как полагает большинство современных исследователей, эламитами язык был родственным языку протодравидов, которые и создали цивилизацию Хараппы и Мохенджо-Даро. (Примеч. пер.)

в письменных источниках. Предшественниками арийских завоевателей могли быть касситы, которые основали свою династию в Вавилоне около 1760 года до н. э. Этот народ первоначально обитал к востоку от гор Загроса, откуда они начали проникать в Вавилонию уже во времена Хаммурапи. Но в целом они не были ариями. Хотя они восприняли вавилонский язык и культуру, местные писцы оставили нам записи, в которых содержатся касситские обозначения таких слов, как «бог», «звезды», «небеса», «ветер», «человек», «нога» и т. д.; ни одно из них не относится к числу индоевропейских. Более того, большинство личных имен этого периода предполагает скорее родство между касситами и малоазийскими народами, обитавшими к северо-западу. Однако в именах их правителей встречаются элементы, напоминающие имена индоиранских божеств – Surias (бог солнца (Сурья); сравните с санскр. Surya), Indas (сравните с санскр. Indra), Maruttas (сравните с санскр. Marutah, боги грозы (Маруты) и – bugas (сравните с иранским словом бага, «бог»). Кроме того, именно касситы первыми на Древнем Востоке стали запрягать лошадей в колесницы, и более позднее вавилонское наименование лошади susu, вероятно, происходит от индоиранской формы asua (санскр. as'va). Вполне вероятно, что вторжение касситов было вызвано давлением арийских племен, обитавших в горах Ирана, и их предводители и стали теми самыми правителями с арийскими именами.

Рис. 1. Нарамсин, правитель города Аккада

Три столетия спустя, согласно документам из дипломатического архива, найденного в Тель-эль-Амарне, которые проливают свет на события в Западной Азии, арийская династия правила в государстве Митанни, располагавшемся на верхнем Евфрате. Эти правители имели явно арийские имена – Sutarna, Dusratta, Artatama – и поклонялись индоиранским божествам. В 1907 Хьюго Винклер удивил научный мир, расшифровав имена четырех божеств, хорошо

известных по индийским Ведам, призванных в качестве свидетелей договора, подписанного в 1360 году до н. э. между правителями Митанни и хеттов. Божества перечислены наряду с другими богами – десятью вавилонскими и четырьмя собственно митаннийскими – Индра (*in-da-ra*), Варуна (*u-ru-v-na* или *a-ru-na*), близнецы Митра и Насатъя (*na-sa-at-ti-i-ia*). Совсем недавно другой документ, происходящий из Митанни, был найден в хеттском архиве в Богазкее. Он имеет отношение к коневодству и содержит ряд арийских числительных – *aika* (1), *teras* (3), *panza* (5), *satta* (7) и *nau* (9) – в выражениях типа *aikavartanna vasannasaya* («один круг по стадиону»). Наконец, мы знаем, что в это время в государстве Митанни существовало сословие воинов, именовавшихся *maṛiappa*. Невольно напрашивается сравнение с санскритским словом *māyā*, которое переводится как «молодые люди», «герои».

Так что достаточно ясно, что династии, утвердившиеся на верхнем Евфрате около 1400 года до н. э., были арийскими, близкородственными тем, которые правили в долине Инд и позднее в Мидии и Персии. Но их подданные не были ариями, поэтому правители восприняли их язык и приспособили вавилонскую клинопись для официальной переписки и, очевидно, почитали местных богов наряду с собственными. Тот этнический поток, который привел их на берега Евфрата, не остановился там. В этот же самый период таблички из архива в Телль-эль-Амарне упоминают арийских правителей также в Сирии и Палестине – *Biridaswa* в Йеноаме, *Suwardata* в Кейлахе, *Yasdata* в Таанахе, *Artamanyu* в Зир-Башане и ряд других. Они также, вероятно, были представителями династий, а их подданные были неарийского, скорее всего семитского происхождения.

Упоминавшиеся числительные, а также имена божеств и правителей являются древнейшими из дошедших до нас образцов языка ариев. Они заслуживают особого внимания. Без всякого сомнения, они относятся к группе сатем; фактически они очень близки к тем, которые известны нам по индийским языкам. Конечно, они ближе всего к санскриту, чем к любому из иранских диалектов, которые позднее составили западную ветвь индоиранской семьи языков. Таким образом, имена божеств *Nāsatya* являются санскритской формой, они противостояли близнецам *Naonhaitya*, и все четыре божества упоминаются в самых древних Ведах. В иранской Авесте они превратились во второстепенных божеств (*Mithra*; Митра), просто в демонов (*Indra*; Индра) или получили другие имена (*Varuna* = *Ahura Mazda*; Варуна-Ахура Мазда). Числительные определенно являются индийскими, а не иранскими; слово *aika* идентично санскритскому слову *eka*, в то время как «один» на языке зенд обозначается словом *aeva*. Точно так же звук *s* сохраняется в слове *satta*, хотя в иранском языке он превращается в *h* (*hapta*), его исходную форму можно найти не собственно в санскрите, а в пракритах, которые, как предполагается, сложились после Вед.

Даже личные имена скорее выглядят как индийские, а не иранские. Таким образом, имя *Biridaswa* вполне правомерно сравнить с санскритским именем *Brhadasva* («владеющий большой лошастью»). Если это утверждение верно, то второй элемент – *aswa* («лошадь») отличается от иранской формы *aspa*, отмеченной в древнеперсидском и среднеперсидском языках (сравните *Jāmaspa* и *Vistāspa*). В связи с этим можно вспомнить, что персидский царь Дарий I именовался Гистаспом (*Hystaspes*). С другой стороны, элемент *Arta-* в митаннийских и палестинских именах имеет много параллелей в более позднем иранском ономастиконе; концепция божественного порядка *Rta*, воплощенная в нем, была хорошо известна ведическим поэтам, но его редко использовали как компонент при образовании личных имен в Индии.

Если мы попытаемся точно определить, к какой ветви арийского дерева принадлежали эти правители из Митанни, могут возникнуть большие расхождения во мнениях. Когда имена митаннийских божеств были впервые опубликованы, Джакоби, мнение которого до сих пор разделяют Паргитер и Конов, определенно интерпретировал их как индийские и приписал их появление в Месопотамии народу, говорившему на санскрите и проникшему туда из Пенджаба. На это Эдуард Мейер возразил, что филологи давно признали, что индийцы и иранцы пред-

ставляли собой один народ и поклонялись одним и тем же божествам еще до того, как индусы заняли долину Инда. Имена индийских божеств и числительные восходят к периоду этой индоиранской общности, то есть появились еще до ее распада и до того, как произошли фонетические изменения, характерные для иранского языка, – переход звуков *s* – *h*, *su* – *sp*. В конечном итоге Хьюзинг согласился с тем, что эти правители были индийцами, но теми индийцами, которые еще не добрались до Индии; он считает, что территория, на которой некогда существовала эта индоиранская общность, располагалась к северу от Кавказских гор.

Решение этого вопроса следует искать в более поздней истории как индийцев, так и иранцев. Несомненными представляются два очень важных факта: во-первых, разделение на языки групп кентум и сатем восходит к середине 2-го тысячелетия до н. э.; во-вторых, эти народы в более позднее время известны нам только к востоку от Тигра, а в рассматриваемое время жили гораздо западнее.

Хеттская проблема

Однако на Востоке в XV столетии до н. э. присутствовали не только арийские народы группы сатем; нахождение в этом районе народов группы кентум засвидетельствовано клинописными документами этого же времени. Если открытие индийских имен в Северной Сирии вызвало удивление в 1907 году, то открытие индоевропейских элементов, присущих группе кентум в языке хеттов, живших на территории Каппадокии, десять лет спустя вызвало недоверие.

О хеттах давно было известно из египетских и вавилонских документов, из упоминаний о них в Библии, а также по их собственным загадочным памятникам. Еще до начала Первой мировой войны никто не считал их индоевропейцами. Подход к этой проблеме изменился благодаря результатам дешифровки профессором Грозным значительного массива хеттских текстов, написанных клинописью. Слухи о его открытиях быстро преодолели политические границы и даже в пылу сражений вызвали живой интерес. Поначалу его выводы были восприняты со скептицизмом, и теперь представляется, что решение проблемы ни в коем случае не является столь простым, как он думал.

Во-первых, тот материал, который имеется в нашем распоряжении, а это таблички из государственного архива хеттских царей в Богазкее, отражает только тот язык, на котором разговаривали хетты в Каппадокии, и на их основании нельзя делать никаких выводов относительно других «хеттов», например тех, которые жили в Кархемише на севере Сирии. К тому же теперь становится ясно, что даже в Каппадокии в то время существовало большое количество языков – палайский, митаннийский и протохеттский. На последний следует обратить особое внимание, поскольку он оставил после себя собственные письменные памятники. Не вызывает никаких сомнений, что «хеттов» нельзя относить к числу индоевропейцев⁶. Другое дело диалект, на котором написано большинство текстов, язык, который сами писцы именовали *Nasili* – «наш язык». Несомненно, что он испытал на себе индоевропейское влияние.

В настоящее время мы находимся в неопределенном положении; число опубликованных текстов все еще не очень велико, при дешифровке местного варианта клинописного письма возникли определенные трудности, поэтому любые суждения нельзя считать окончательными. Все же некоторые положения получили всеобщее признание. При склонении существительных, местоимений и глаголов в языке *Nasili* наблюдается поразительное сходство с индоевропейскими языками. В шести случаях из четырех в номинативе имеются явные совпадения с арийскими парадигмами. В случае с местоимениями таких совпадений меньше. В одном спряжении пять из шести форм настоящего времени и три формы прошедшего времени являются индоевропейскими; к ним можно добавить окончания среднего рода на *-tari* и *-antari*, а также окончания императивов на *-du* и *-andu*. Некоторые формы местоимений типа *kuis*, *kuit* (сравните латинские формы *quis*, *quid*), глагола *esmi* – я (есть) (сравните с санскр. *asmi*) или же образование производных форм глаголов настоящего времени на *-pumi* (греческая форма *-vumi*, санскритская *-pomi*) выглядят как вполне индоевропейские.

Но самое удивительное заключается в том, что индоевропейские подобия в языке хеттов находят не только в индоиранских языках, но и в языках группы кентум, особенно во фригийском, греческом и латинском. Фонетические особенности языка *Nasili* объединяют его как раз с последней группой. При склонении некоторых форм ясно прослеживаются особенности, присущие западным языкам: основа в винительном падеже единственного числа на *-pi*, точно такая же, как в греческом и фригийском языках, вместо *-m*, *summes*. Правда, следует вспомнить и форму *ὑμεῖς*, в греческом языке, наречие *katta*, и замену *-ti* на *-zi* в третьем лице един-

⁶ Индоевропейское происхождение хеттов теперь не вызывает никаких сомнений. (Примеч. пер.)

ственного числа глаголов. Только довольно сомнительные императивы на -du и -andu во втором лице личных местоимений множественного числа на -tenī имеют отчетливые индоиранские параллели. Поэтому если индоевропейский элемент и имеется в Nasili, то попал он туда не из соседней Митанни.

Тем не менее Nasili нельзя отнести к числу индоевропейских языков. Различия в склонениях представляются слишком многочисленными. Профессор Сэйс говорил мне, что выглядящие как типично индоевропейские окончания глаголов являются не строго «личными», а, как кажется, иногда использовались безлично, чтобы обозначить первое или третье лицо единственного или множественного числа. Он отметил, что несколько из предполагаемых индоевропейских окончаний глаголов имеют параллели в неиндоевропейских языках, в ванском и даже шумерском. Опять-таки количество достоверно индоевропейских слов и форм в языке хеттов представляется слишком незначительным. Наконец, его синтаксис не похож на тот, который присущ индоевропейским языкам, его структура больше похожа на малоазийские языки.

В настоящее время вряд ли кто-нибудь рискнет заявить, что эти документы XIV века до н. э. написаны на одном из индоевропейских языков, и попытается объяснить различные несоответствия его деградацией, ассимиляцией форм и иноземными заимствованиями. Но тексты из Богазкея на много столетий старше, чем самые ранние письменные памятники, созданные на санскрите или на древнегреческом языке. Язык хеттов отделился от гипотетического первоначального языка ариев гораздо раньше, и, следовательно, греческий язык и санскрит намного сильнее отличаются от родительской речи. Было бы наивным полагать, что настоящий индоевропейский язык выглядел бы столь странно в XIV столетии до н. э. Профессор Форрер высказал предположение, что Nasili мог быть одним из диалектов некоего очень архаичного языка, от которого также произошел и язык праиндоевропейцев. Мне и профессору Сэйсу более вероятным представляется тот вариант, что Nasili был искусственным литературным языком, созданным придворными писцами и жрецами. В таком случае арийские элементы, слова и окончания могли быть заимствованы для выражения понятий и отношений, неизвестных в более примитивных малоазийских диалектах, которые представляли собой лишь основу формирующегося языка. Точно так же в него попала и целая группа различных вавилонских терминов. В качестве аналогии можно упомянуть, что в эламской версии надписи Дария на скале в Бехистуне употреблен древнеперсидский императив astu, поскольку субстантивированные глаголы отсутствуют в малоазийских языках.

Если мы все-таки признаем наличие индоевропейских элементов в языке Каппадокии, то мы должны задаться вопросом, откуда они туда проникли. Обычно ответ заключается в том, что арийский элемент, точно так же как и в государстве Митанни, был только правящей аристократией, а их подданные в массе своей относились к малоазийскому типу. Однако имена хеттских царей – Хаттусили, Дудхалия, Мурсили, Муталлу – не похожи на арийские. Опять-таки хеттские божества не имели арийских имен, хотя профессор Сэйс и отмечал, что в хеттской версии вавилонского мифа о Беле и драконе последний имеет индоевропейское имя Иллуянкас. Какой разительный контраст с правителями Митанни, которые сохранили свои арийские имена и имена своих богов! Династические списки свидетельствуют о том, что династия с неарийскими именами правила у хеттов по крайней мере с 1900 года до н. э., если не раньше. По всей видимости, все правители, упомянутые в документах из архива в Богазкее, принадлежали к представителям малоазийских народов.

Более того, присутствие этого малоазийского элемента можно проследить в Каппадокии с середины 3-го тысячелетия до н. э. В это время в долине реки Галис начали появляться колонии аккадцев, и несомненно, что именно под их влиянием в культуре хеттов и в языке Nasili появились некоторые вавилонские элементы. Переписка этих торговцев, так называемые каппадокийские таблички, свидетельствует о наличии в этом районе людей с малоазийскими име-

нами, которые весьма напоминают имена хеттских правителей, – Дудхалия, Бужуя, Ахукар и т. д. В них также около 2000 года до н. э. упоминается Бурус-Хатим, «крепость хеттов». На одной из «каппадокийских» печатей примерно того же времени имеется надпись хеттскими иероглифами. Но никакие арийские названия или имена не встречаются в столь раннее время. В независимости от того, какой народ способствовал насыщению языка Nasili арийскими элементами и где он проживал, создается такое впечатление, что его влияние в областях, примыкавших к реке Галис, начало сказываться только после 2000 года до н. э., возможно даже, гораздо позже. Следствием этого стало появление элементов, присущих группе кентум, в пределах государства хеттов после 1500 года до н. э. Как раз в это время склоны Тавра, по всей видимости, и представляли собой своеобразную границу между двумя группами индоевропейских языков – сатем и кентум.

Археологические данные

Откуда пришли эти две группы арийских народов, расселившиеся по обе стороны Тавра? О том, что они были в этом районе пришельцами, свидетельствует тот факт, что об их присутствии там молчат документы 3-го тысячелетия до н. э. Первые достоверные сведения о них появляются только в конце «темных веков». Наступление этих «темных веков» само по себе очень показательно – оно является отражением последствий социальных потрясений, вызванных передвижениями народов. Новые этнические компоненты пролагали себе путь на Ближний Восток. С их появлением мы можем связать вторжение в Египет гиксосов, или «пастушьих фараонов». Документы XV столетия позволяют оценить степень катастрофы, показывая нам новую расстановку политических сил. Но только с помощью данных археологии можно проследить направления переселений народов.

В настоящее время, к сожалению, значение полученных с ее помощью результатов все еще оставляет желать лучшего. Ранние этапы касситского периода в истории Вавилонии, то есть еще до того, как захватчики полностью восприняли культуру захваченной ими страны, малоизвестны. Тем не менее интересно, что во время правления Аммизадуга, как раз перед касситским завоеванием, белые рабы из Субарту и Гутии, областей, лежавших к северо-востоку, продавались в Вавилоне. Примерно в то же самое время прекратился импорт нефрита из китайского Туркестана.

История государства Митанни нам известна еще меньше. Только одно поселение на его территории было исследовано – Телль-эль-Халаф, расположенное на реке Хабур. Здесь барон фон Оппенгейм раскопал руины древнего города, и часть из его находок хранится теперь в Британском музее. Грубые барельефы, выполненные в хеттском стиле, на которых, по-видимому, представлены изображения самих хеттов, относятся к 1-му тысячелетию до н. э. и поэтому ничем не могут помочь в решении интересующей нас проблемы.

Более мелкие находки, включая расписную керамику из нижних слоев, возможно, смогут пролить некоторый свет. В нашем распоряжении нет достоверных портретов жителей Митанни. Но известно, что правившая там арийская династия поддерживала постоянные контакты с фараонами и не менее трех митаннийских «принцесс» стали правительницами Египта. Одна из них, Мутемия, жена Тутмоса IV, на сохранившейся статуе выглядит как настоящая египтянка⁷, но так предписывали правила придворного этикета. Никаких изображений двух других «принцесс», Гилукхипуры и Тадукхипуры, которые попали в гарем Аменхотепа III, не дошло до нас. Некоторые ранние фараоны из 18-й династии вели войны с ариями, жившими в северной части Сирии. Они оставили нам целую портретную галерею представителей тех народов, которых они подчинили в ходе своих северных экспедиций. Большинство из них, без всякого сомнения, является семитами – амориты, бедуины и т. д. Но человек из области Нахараина на колеснице Тутмоса IV (рис. 2, 1), как нам кажется, выделяется из числа прочих и напоминает иранские типы, представленные на персидских памятниках более позднего времени. Он может быть одним из представителей марианнов, так как область Нахараина примыкала к территории Митанни и митаннийцы соприкасались там с завоевателями. Интересно также отметить, что на египетских памятниках 18-й и последующих династий амориты часто изображаются как высокие, довольно светлые, голубоглазые люди с волосами каштанового цвета. Принимая во внимание значительное распространение ариев в этой области, вполне возможно, что подобные этнические признаки не были изначально для них характерны, а явились следствием слияния с пришельцами. Систематические исследования на территории Митанни, а также городов Сирии

⁷ Одна из таких статуй хранится в Британском музее (Petrie, 1890, vol. II, p. 173, fig. 111). Надо отметить, что митаннийское происхождение этой принцессы отрицается многими египтологами.

и Палестины, в которых правили арийские династии, должны пролить дополнительный свет на эти проблемы. В преддверии такой работы я могу только привлечь внимание к некоторым явлениям, которые, как представляется, появляются в период арийского вторжения, надеясь на то, что они могут помочь в дальнейшем.

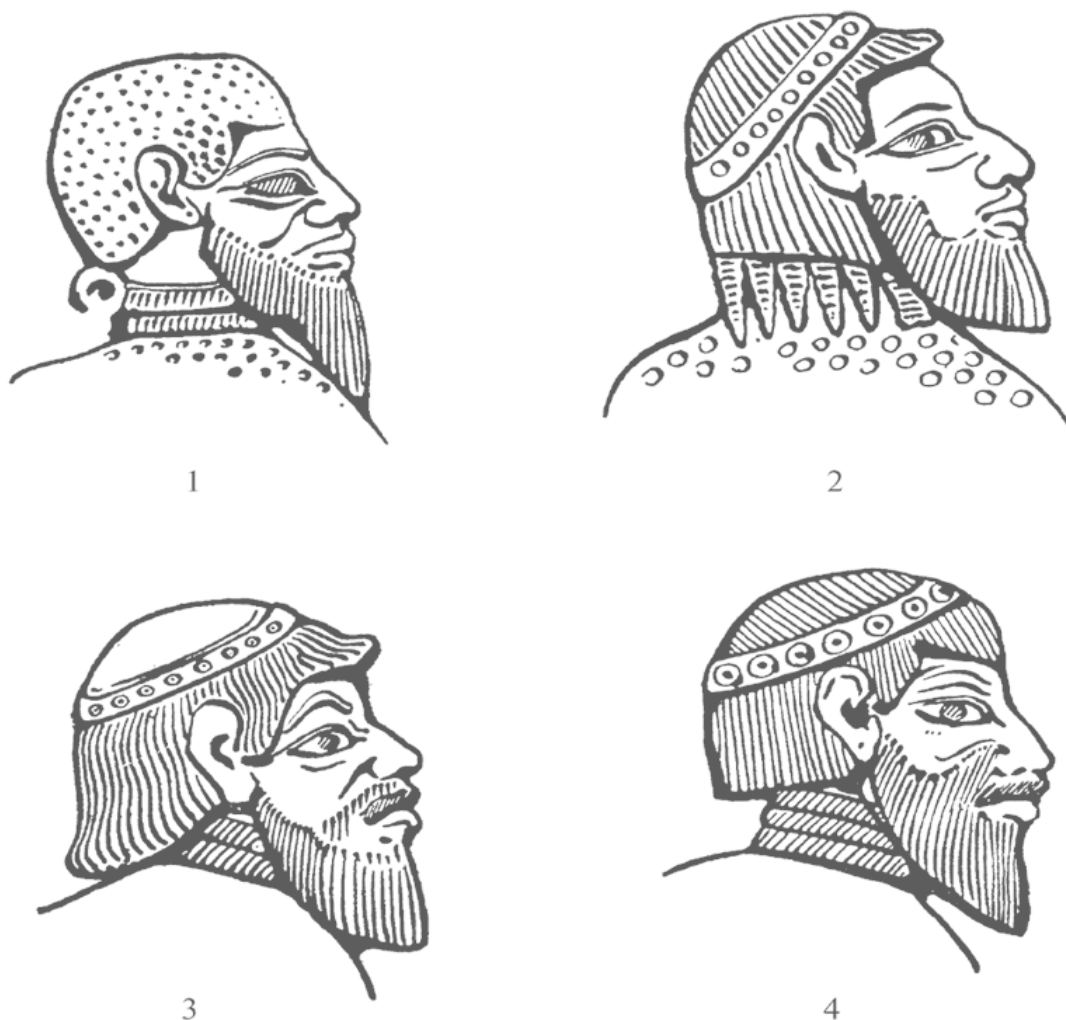

Рис. 2. Азиатские враги, изображенные на колеснице фараона Тутмоса IV: 1 – нахарец; 2 – сангариец; 3 – шашу (бедуин); 4 – житель города Кадиша

Эдуард Мейер привлек наше внимание к любопытной колеснице, хранящейся теперь во Флоренции, найденной в гробнице эпохи 18-й династии. Подобный тип колесниц не характерен для Египта, ее ось покрыта березовой корой. Мейер говорит, что ближайшим к Египту местом, где растет это дерево, является Кавказ, и, соответственно, предполагает, что арии проникли на Ближний Восток через эту горную цепь, подобно тому как это делали киммерийцы и скифы на тысячу лет позже. Конечно, связь этой уникальной колесницы с ариями является лишь предположением, хотя у нас есть основания полагать, что именно под их влиянием в странах Древнего Востока появился обычай использовать запряженные лошадьми колесницы. Однако следует добавить, что есть и другие свидетельства связей с Кавказом, относящиеся приблизительно к тому же самому времени.

Древнейшие из плитовых гробниц в области Кархемиш на севере Сирии содержат предметы, весьма напоминающие те, которые находят при раскопках на юге России. Среди них можно упомянуть молоточковидные булавы, которые выглядят как дальнейшее развитие

типов, найденных в курганах эпохи энеолита на Кубани, своеобразные наконечники копий, которые также встречаются к северу от Кавказских гор, а также ручные браслеты со сходящимися концами, подобные которым широко распространены на юге России, в Венгрии, Северной Италии и в Богемии. Конечно, у нас нет надежных оснований считать, что эти находки из Европы старше своих сирийских аналогов, или связывать распространение последних исключительно с ариями, будь то хетты или же индоиранцы. Тем не менее их можно рассматривать как своеобразные указатели, и указывают они на территории, лежащие по ту сторону Кавказских гор.

С другой стороны, доказательств влияния из северной части Азии пока явно мало, поскольку этот регион все еще недостаточно исследован. Фактически мы действительно находим следы связей с Туркестаном, относящиеся примерно к этому периоду, хотя влияния туда могли проникать с запада, а не наоборот (см. ниже).

Возвращаясь в область хеттов в Каппадокии, сразу же следует отметить, что и в этом случае состояние наших источников выглядит не намного лучше. Изображения хеттов сохранились в созданных ими произведениях скульптуры, а также в произведениях египетских живописцев. Их изображения, возраст которых насчитывает 3000 лет, рисуют их как людей малоазийского типа, которые населяют эту же самую область и сегодня. Они представлены низкорослым типом с вытянутым черепом, с большим носом и узким лбом (фото 1), который как тогда, так и сейчас широко распространен в горных районах Западной Азии. В этом смысле фон Лахан с полным основанием мог бы назвать современных персов «хеттами». Это, однако, не доказывает, что эта арменоидная раса была первоначальной арийской расой, населявшей Каппадокию или Иран; арий Дарий с его высоким лбом и прекрасным носом весьма отличается от них и больше всего напоминает средиземноморский или североευропейский тип. Самые убедительные параллели арменоидам из Каппадокии на востоке можно найти в изображениях эламской богини Анахиты, точно так же как и неиндоевропейские имена касситского происхождения находят на территории расселения хеттов. Создается впечатление, что типичные арменоиды хетты представляли собой доарийский народ. Даже на египетских рисунках, на которых представлены отряды хеттов, у последних можно разглядеть кавказские черты.

Типичными атрибутами одежды хеттов были высокие ботинки с загнутыми вверх носками и остроконечная шапка. Такие же шапки встречаются на изображениях степных кочевников, как в персидском, так и в греко-скифском искусстве. Такие же шапки до сих пор носят монголы. Косички, которые носили хетты, опять-таки напоминают монгольские, но им можно также найти аналогии в сирийских и минойских прическах. Ни одна из этих особенностей не может считаться характерной только для ариев.

Та культура хеттов, которая нам известна по раскопкам в Богазкее, несомненно, испытала на себе влияние Вавилонии, но хетты не были просто слепыми подражателями. Так, например, они после 2400 года до н. э., подобно ассирийцам, не перестали строить каменные здания, перейдя только к использованию глиняных кирпичей, что характерно для вавилонской архитектуры. Стены зданий в Богазкее выполнены с применением циклопической кладки, и в этом смысле они больше всего напоминают акрополи Эгеиды. Мегалитические орфостаты ворот в Богазкее опять-таки находят явные аналогии в Трое, Тиринфе и Микенах. Сами ворота имеют двойной проход вавилонского типа, но при этом у них отсутствует фланкирующий бастион, который изобрели жившие к западу от них обитатели Трои II. Даже планы дворцов или храмов с их системой углубленных помещений, расположенных вокруг центрального двора, можно сравнить с дворцом в Кноссе (Крит). Однако без проведения специальных исследований мы не можем сказать, не являются ли эгейские параллели в Каппадокии общим малоазийским наследием, сохранившимся в этих двух областях.

Тем не менее очевидно, что контакты между Эгеидой и Каппадокией восходят к 3-му тысячелетию до н. э. Из Караджика, расположенного недалеко от Богазкея, происходят вазы с

носиком типичной раннеминойской формы, а также глиняные печати, имеющие точные аналогии в Трое II и в Болгарии. Но подобные вазы известны также в Персии и (совместно с глиняными печатями каппадокийского типа и увенчанными спиралевидными завитками булавками эгейского типа) на третьем поселении культуры Анау в Туркестане. Однако все эти находки предполагают скорее наличие торговых связей между отдаленными областями, а не миграции населения; направление миграции все еще вызывает сомнения, по всей видимости, оно синхронно доарийскому периоду в Каппадокии.

Для той эпохи и области, относительно которых мы можем быть полностью уверены в наличии арийского элемента среди хеттов, мы имеем только резные монументы. Их наиболее характерным оружием является боевой топор, который держит в руке бог Тешуб; аналогичные находки известны также в Эламе и в Закавказье, но этот тип является только усовершенствованной копией более древних месопотамских образцов. С другого бока у этого же самого божества висит меч, тип которого не известен ни в Вавилонии, ни в Египте (фото 1). Вероятно, он должен был иметь в длину до полуметра, и его лезвие выглядит настолько широким, что им можно было рубить, а не просто колоть, подобно всем более ранним мечам, известным на Востоке. Во 2-м тысячелетии до н. э. самые длинные мечи получили распространение в областях, прилегающих с востока к Эгейскому морю. Однако венчающая его рукоятка, которая представляет собой полукружие, больше всего напоминает центральноевропейские, а не эгейские образцы. Следует отметить, что меч с подобной рукояткой и несомненными особенностями, присущими оружию, встречавшемуся в Скандинавии и в Дунайском регионе, был найден в Муши-Ери в Армении. Кроме того, пояс, который носит «амазонка» из Богазкея, поразительно напоминает по форме бронзовые пояса, находимые в могилах по обе стороны Кавказского хребта.

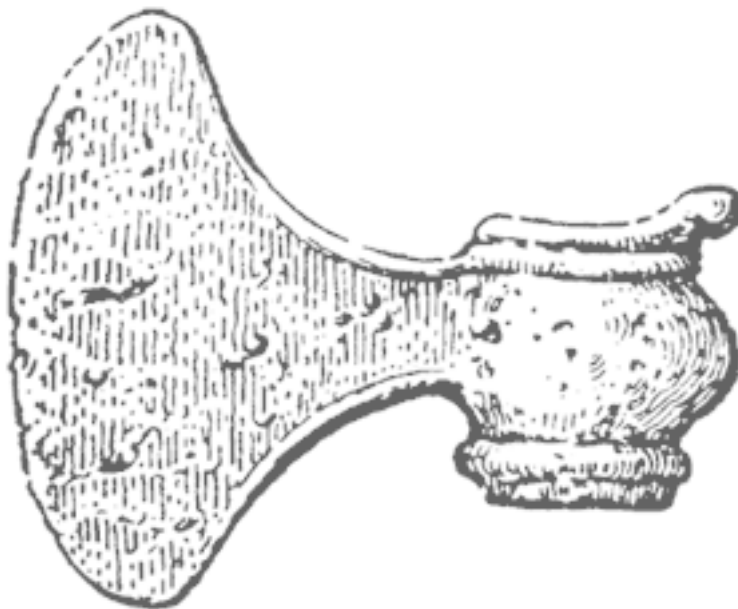

Рис. 3. Топор из Суз

Другое оружие хеттов с изгибающимся лезвием находит аналогии в Трое. Хеттский щит опять-таки напоминает щит, который мы видим у микенской игрушки, представленной на рис. 8. Подобно касситам и митанийцам, хетты сражались на колесницах, запряженных лошадьми. Это животное очень рано появляется на печатях из Каппадокии. Следует также

отметить, что хетты первыми среди всех своих соседей уже с XIV века до н. э. начали использовать в производственных целях железо⁸.

Несомненные признаки обозначают присутствие арийских элементов в Каппадокии и в Северной Сирии на протяжении 2-го тысячелетия до н. э., однако этого нельзя утверждать относительно некоторых других регионов, таких как Кавказ, Эгеида или же Средняя Азия. Арии в Каппадокии, точно так же как арии в Митанни, на протяжении некоторого времени остаются изолированными пришельцами, которые могли прибыть туда откуда угодно. Далее следует коснуться вопроса относительно более поздней истории ариев в надежде, что она поможет пролить некоторый свет на проблему их происхождения.

⁸ В настоящее время точно установлено, что первыми выплавлять железо примерно в XIV в. до н. э. научились халибы, жившие в северо-восточной части Малой Азии. Именно от названия этого племени происходит латинское слово *chalybus* – «сталь». В русском языке о нем напоминают такие слова, как «калибр», «калибровка». (*Примеч. пер.*)

Вторжение ариев в Индию

В Палестине арийские имена полностью исчезают к 1000 году до н. э., и даже на территории Митанни от них остается едва заметный след. Здесь язык ариев поглотили различные семитские и малоазиатские диалекты, а незначительная по численности арийская аристократия растворилась среди местного населения. Далее к востоку, на плоскогорьях Ирана и в Индии, арийские языки сохранились, и на них там разговаривают вплоть до сегодняшнего дня. Но письменные свидетельства фиксируют этот факт только с VI века до н. э. Самыми ранними из имеющихся в нашем распоряжении источников являются метрические гимны индийцев и иранцев, первоначально существовавшие в течение многих столетий в устной форме.

Язык индийцев ближе всего стоит к тому языку ариев, который был зафиксирован в документах из Митанни и дошел до наших дней в гимнах Ригведы. Этот документ также содержит бесценные исторические свидетельства. Древнейшая из Вед представляет собой собрание метрических песнопений, всегда духовных, иногда являющих собой образцы истинной поэзии, реже торжественных и величественных. Наибольший интерес они представляют для изучения религиозных представлений ариев. Силы природы, боги неба и солнца, повелители бури и ветра, юные богини рассвета и небесные близнецы, священный огонь и священный хмельной напиток сома упоминаются во многих гимнах. Самым почитаемым из всех был грозный воинственный бог Индра, громовержец, созданный по подобию арийского вождя героического века. Находясь под действием сомы, он убивает дракона Вритру, или Ахи, освобождает похищенную корову света или дождя и спасает томящуюся в неволе богиню рассвета. Только между строк можно разглядеть образы обычных земных правителей, воплощением которых и является Индра, – щедрых к сказителям, способных покорить темнокожих дашьев (аборигенов), любителей крепких напитков, игры в кости и конских ристаний – одним словом, обладавших всеми характерными чертами, присущими и германским героям, описанным в северном эпосе. Их главным богатством были коровы и лошади, их средством передвижения была запряженная лошадьми колесница, оружием им служили лук, булава и копье. В древнейших гимнах также упоминаются и медные топоры, но только как орудия труда, а не как оружие. Храмы и города в них вообще не описаны, хотя укрепления (*purah*) иногда и упоминаются. Умерших обычно кремировали, а над зольным пятном насыпали курган.

В этих гимнах перед нами предстает молодая и энергичная раса, только что преодолевшая горы и овладевшая жаркими равнинами Северной Индии. С традиционной точки зрения, они все еще находятся в Пенджабе, хотя совсем недавно они вышли с территории нынешнего Афганистана. Реки, расположенные к западу от Инда, и район Гандхары все еще находятся в поле зрения их сказителей. Джамна (Джамуна) упоминается в Ригведе трижды, Ганг дважды, но это могут быть и более поздние вставки, часто упоминаемая в ней река Сарайя может быть Оксом (теперь Сыр-Дарья). Южная часть Индии создателям Ригведы совершенно неизвестна. Соответственно предполагается, что центр арийской Индии в ведические времена находился в Пенджабе. По всей видимости, экспансия в восточном направлении началась позднее, во времена появления брахманов. Они представляют собой литургические и эпические тексты, составленные в основном в прозе, и, судя по их языковым особенностям, а также отраженным в них социальным и религиозным идеям, они были созданы спустя значительный промежуток времени после Ригведы. По отношению к Ведам они занимают такое же положение, как и Гесиод по отношению к Гомеру. Все они созданы еще до распространения буддизма и предшествуют завоеванию южной части Индии. Следовательно, Ригведа была создана вскоре после 1400 года до н. э., и вторжение ариев в Индию относится примерно к тому же времени.

Недавно вызов этой традиционной точки зрения был брошен сразу с двух сторон. Паргитер считает, что проникновение ариев в Индию началось задолго до составления ведических

гимнов. Он с сожалением отмечает, что распространенное у европейцев представление основано преимущественно на традициях касты брахманов. Но существует и иная традиция, распространенная у касты кшатриев, или правителей. Именно к ней и обращается Паргитер, хотя он и признает, что дошедшие до нас версии относятся к позднему времени. Изучение генеалогий правителей привело упомянутого автора к заключению, что арии, отождествляемые им с народом айла, или лунной расой, вторглись в Индию скорее ближе к началу, чем к концу 2-го тысячелетия до н. э. и через центральную часть Гималаев, а не через Гиндукуш. По его мнению, их древнейший центр располагался в верховьях Джамны и Ганга, а занятие ими территории Пенджаба и создание Ригведы относится к более позднему периоду и связано с экспансией в западном направлении. Затем, следуя интерпретации Джакоби имен из Митанни, Паргитер предполагает, что эта же самая волна распространилась еще дальше на запад – в Месопотамию.

Если согласиться с подобной версией проникновения ариев в Индию, главная из затронутых в этой книге проблем приобретает совершенно иной аспект. Но с географической точки зрения переход через Гималаи предполагает значительные трудности, которые к тому же усложнили бы контакты с иранцами. Кшатрийскую традицию, на которой вся эта теория основана, вряд ли можно считать достоверной. Традиционная точка зрения на самом деле основана не на жреческой традиции, воплощенной в эпических текстах, а скорее на анализе содержания самой Ригведы. Последний источник вызывает доверие, поскольку исторические и географические ссылки в гимнах встречаются только эпизодически и выглядят весьма достоверно; например, в Ригведе касты вообще не упоминаются, и жрец полностью зависит от великодушия своего правителя. Однако то же самое нельзя сказать относительно кшатрийской традиции, которая в письменном виде датируется временем (возможно, не ранее 200 года до н. э.), когда мифы создавались уже в течение многих столетий и призваны были обслуживать династические интересы. К ним требуется даже более осторожный подход, чем к рассказам о гомеровских героях, которые можно найти у поздних логографов и римских поэтов. Так что традиционная точка зрения все еще выглядит более убедительной.

Однако в последние годы она была оспорена и с другой стороны. Брюннхофер и некоторые другие исследователи утверждают, что местность, описанная в Ригведе, больше соответствует не реалиям Пенджаба, а скорее Афганистана или Ирана, и это мнение в последнее время было поддержано Хьюзингом. В таком случае проникновение ариев в Индию следует относить к гораздо более позднему времени, чем это обычно предполагается. Брюннхофер главным образом основывается на идентификации народов, упомянутых в Ригведе, с племенами, населявшими некогда территорию Афганистана, и упомянутых в надписях Дария или у более поздних греческих авторов⁹. Но его взгляды не получили широкой поддержки среди индологов. Некоторые из его отождествлений выглядят нелепыми с фонетической точки зрения, но часть из них на самом деле требует объяснения; упоминание в Ригведе о народе Parthava давно вызывает затруднения вследствие формальной идентичности слова с древнеперсидской формой названия Парфии, а отождествление с Parsu в качестве прилагательного, подобно иранскому произношению названия как Tirindira, делает перевод «персидский» очень соблазнительным. Кроме того, нет ни малейших сомнений относительно фонетического отождествления ведических названий Sarasvatī с персидским Hara'uvatis и Rasa со среднеперсидским Ranha.

Не вызывает сомнений и факт переноса названий рек, протекавших в Иране, на реки, протекавшие в Индии. Но большинство других рек, упомянутых в Ригведе, являются сугубо индийскими реками, которые носили те же самые названия и в более поздние времена¹⁰. Если мы вслед за Брюннхофером предположим, что все эти названия восходят к названиям жал-

⁹ Таким образом, Pani = Πάνοι, Srñjaya = Σάραγγα, Mrdha = Μάρδοι, Ānava = Ἀναβων, χώρα (Ἀρεία), Siva = Σίβοι и т. д.

¹⁰ Kubhā = Kabul, Krumī = Kurrum, Gomati = Gomāl, Sutudri = Sutelj, Vipas2 = Biyas, Parusni = Ravi, As'ikni = Ἀκεσίνης и т. д.

ких ручейков, протекавших на территории Сеистана, и были перенесены в Индию, это требует даже гораздо большего пересмотра всей топографической номенклатуры, чем того требует ортодоксальная концепция. Это допускает признание формальной идентичности Sarasvatī и Hara'uvatis, но также и предполагает признание того факта, что индийцы ведических времен присвоили название ручейка, протекавшего к западу от Гиндукуша и некогда известного им и иранцам, главной реке их новой родины Инду (Sindhu как раз и означает «река»). То же самое можно предположить и относительно речушки, носящей ныне название Сарасвати, небольшого восточного притока Сатледжа, который теперь почти занесен песками.

Доля истины, лежащей в основе этой теории, заключается в реальности существования периода индоиранского единства, в пользу которого мы уже приводили ряд доказательств и который должным образом объясняет все только что отмеченные явления. Но этот же самый элемент истины мощно работает против теории Паргитера и подтверждает традиционную точку зрения. Он вполне мог бы принять курьезную теорию Дармштетера и считать всех ведических богов, а также обряды, известные авторам Авесты, заимствованными от индийцев, которые, по его мнению, вышли из Пенджаба в XV столетии до н. э. Будет ли он также связывать заселение территории Ирана ариями с теми же самыми переселенцами? В этом случае он должен был бы принять довольно большую группу населения. Но у нас очень мало примеров, если таковые вообще имеются, таких крупномасштабных переселений из Индии; напротив, все народы в исторические времена как раз стремились переселиться в эту страну. В рассматриваемый период перед ариями открывалась перспектива колонизовать всю южную часть Индии. Почему тогда они должны были преодолевать горные перевалы Афганистана, чтобы затем блуждать по суровым плоскогорьям Ирана? Кроме того, общий для индоевропейских народов драконоборческий миф – Индра и Ахи в Ригведе или же Атар и Ази в Авесте – по всей вероятности, изначально появился в Месопотамии. Сосуществование индийцев и иранцев где-нибудь в пределах сферы вавилонского влияния объясняет появление арийской версии этого мифа по обе стороны Гиндукуша.

Серьезность этого свидетельства заставляет нас рассматривать период сосуществования индийцев и иранцев в рамках единой общности как доведический. В географическом плане эта общность могла занимать территории к западу от Гиндукуша. Признание этого факта подразумевает вторжение ариев в Индию с запада.

Археологические свидетельства, подтверждающие факт такого вторжения, имеют исключительную ценность. Но вплоть до 1924 года в северной части Индии не удавалось найти никаких памятников добуддийского периода, в то время как на юге, а также в Ассаме давно были известны каменные круги и мегалитические гробницы, содержащие кремнированные останки и изделия из железа. Но эти районы были покорены ариями довольно поздно и до сих пор остаются не до конца арийскими. Поэтому этот материал не давал ответа на интересующий нас вопрос. Уже в наше время остатки совершенно новой культуры, уходящей корнями в эпоху энеолита, были выявлены в долине Инда, в Синдхе вблизи Ларкана, а также в дистрикте Монтгомери, входящем в состав Пенджаба и расположенном как раз к северу от Сатледжа (Шутудри). Эти поразительные открытия, несомненно, свидетельствуют о связях с западными областями даже в столь отдаленную эпоху.

Обнаруженная здесь цивилизация, несомненно, существовала в течение долгого времени, поскольку на памятниках обнаружено несколько слоев разрушений. Некоторые материалы, вероятно наиболее ранние, обнаруживают явное сходство с ранними месопотамскими образцами: использование кирпичей при строительстве, погребение скорченных тел в выложенных кирпичом сводчатых гробницах, инкрустации раковинами, булавы и пестики – все это имеет ближайшие аналоги в ранних шумерских слоях на памятниках, располагавшихся в долине Тигра и Евфрата. Прекрасные печати, украшенные изображениями быков и единорогов, а также различных персонажей из легенд имеют точные шумерские аналогии, и, что не

менее удивительно, там же обнаружены глиняные фигурки баранов и женские статуэтки. Наконец, расписная глиняная посуда из поселений в долине Инда через Белуджистан обнаруживает несомненные черты сходства с такой же керамикой Элама и Южной Месопотамии, а может быть, даже Сеистана и Заскаспия.

Таким образом, мы впервые имеем несомненное свидетельство связей между Индией и Западной Азией еще до 1-го тысячелетия до н. э., – очевидно, эти связи были очень древними, возможно, они развивались даже до повсеместного распространения цилиндрических печатей в Месопотамии, что произошло около 2800 года до н. э. Но в более поздний период в истории той цивилизации, которая существовала на территории Пенджаба, произошли существенные изменения: обряд кремации пришел на смену трупоположению.

Данному факту можно предложить три истолкования: культура Пенджаба принадлежала ариям, в определенный момент арии проникают на территорию давно существовавшей цивилизации, принеся с собой обряд кремации, – или же, наконец, арии просто уничтожили недавно обнаруженную культуру. Мы рассмотрим первый из упомянутых вариантов в одной из последующих глав, а пока ограничимся некоторыми предварительными замечаниями. Наличие связей с Шумером и Эламом само по себе предполагает, что создатели этой цивилизации не были ариями, а находились в определенной степени родства с одним из доарийских народов, живших в Месопотамии. И на самом деле, доктор Холл отмечал, что в антропологическом плане дравиды Индии весьма напоминают шумеров Месопотамии, и на основании этого предположил, что таинственные шумеры прибыли из Индии. Несколько позднее доктор Хьюзинг обратил внимание на сходство между статуэтками ранне-буддийского периода и аналогичными произведениями шумерских мастеров. Какие бы пути народы ни выбирали для миграций, наличие одного и того же этнического компонента в Индии и Месопотамии не вызывает сомнения, и именно им могли быть созданы родственные культуры.

Если это были шумеры, то тогда это не могли быть арии, хотя степень родства между двумя этносами все еще не установлена. Исторические шумеры не использовали расписную керамику, но представляется вполне вероятным, что они вытеснили или покорили более древний народ, который ее использовал; например, в Уре некоторые погребения, синхронные 1-й (шумерской) династии, нарушили более древние погребения, сопровождавшиеся расписными вазами. Но даже если цивилизация, получившая распространение в долинах Инда и Евфрата, принадлежала «прашумерам», все же маловероятно, что они были ариями. Кристиан выделял в произведениях изобразительного искусства, оставшихся от шумеров, два этнических типа, а также два компонента в их языке, ни один из которых не был индоевропейским, но мог принадлежать народу, использовавшему в быту расписную керамику. В этом смысле связывать новые находки с ариями не представляется возможным. Женские статуэтки не являются характерными исключительно для индоевропейцев, статуэтки такого же типа находили на юге Индии, точно так же как и в Пенджабе. С другой стороны, необходимо напомнить, что в гробнице под курганом вблизи Беллиаха (Бенгалия) находились, помимо кремированных костей и остатков деревянного сруба, еще и женские изображения на золотом листе. Археолог мог бы усмотреть в них богиню Притхиви (Земля), которой, согласно погребальному гимну, входящему в состав Ригведы (X, 18), вверялись останки усопшего. От окончательных выводов следует, конечно, воздержаться вплоть до получения новых антропологических материалов и дешифровки надписей на печатях и медных брусках, найденных в Пенджабе.

К рассмотрению второго предположения можно будет приступить только после изучения стратиграфии вновь открытых памятников и только в том случае, если будет выявлено нарушение преемственности в развитии культуры в тот момент, когда среди ее носителей получает распространение обряд кремация или же по какой-либо иной причине. По всей видимости, в пользу последней гипотезы может свидетельствовать очевидный разрыв в преемственности в традициях искусства, письменности и в общем облике материальной культуры, который наблю-

дается между более ранней цивилизацией и той, которую создали арии в Индии. Но и в этом случае следует воздержаться от окончательных суждений вплоть до проведения дальнейших исследований, которые должны показать, полностью ли отсутствует преемственность между двумя культурами и нельзя ли перебросить между ними мостик. В любом случае именно в этом районе скрыт ключ к разгадке одной из самых интригующих проблем человеческой цивилизации. Вторжение ариев в Индию может быть установлено только по лингвистическим данным, а они плохо согласуются с археологическими материалами.

Иранцы в 1-м тысячелетии до н. э.

К западу от индийцев в 1-м тысячелетии до нашей эры жили иранцы. Как согласуются твердо установленные факты из их ранней истории с нашими сведениями о расселении ариев в Индии? Древнейшие памятники иранской литературы, гимны или гаты, приписываемые Зороастру (Заратуштре), занимают в некотором смысле промежуточное положение между индоиранцами в Митанни и индийцами ведического периода в Пенджабе. В Авесте многие из ведических и митаннийских божеств становятся демонами, в то время как имя того божества, которому поклонялся Зороастр, – Ахура, в Ригведе в основном употребляется в значении «демон». В этой замене чувствуется влияние пророка Зороастра, который, возможно, был первым великим религиозным реформатором в истории человечества. Он обратил внимание на бога Варуну, который в Ригведе занимает подчиненное положение по отношению к воинственному Индре, сделал его верховным божеством, лишил его всех материальных атрибутов и наделил высшим величием, превратив в защитника космического порядка (Asa или Ria). Некоторые другие популярные божества периода индоиранского единства, такие как Митра, сохранились в зороастрийской религии, однако значение их сильно упало, и теперь они находились в зависимом положении по отношению к верховному божеству, воплощая собой некие абстрактные добродетели. Другие божества, такие как Наонхайтия (Насатья) и Индра, оказались в числе божеств зла, с которыми добродетельный человек должен вести борьбу на стороне Ахурамазды, однако и они при этом стали воплощать некие абстракции. Таким образом, Зороастр преобразовал присущий ранее индоиранцам политеизм в духовный монотеизм, который больше не был просто племенным или присущим какому-либо одному этносу культом, а превратился в религию, выражавшую некие общечеловеческие ценности.

Таким образом, различия между религиозными представлениями индоевропейцев, которые можно проследить по документам из Митанни и по Ведам, с одной стороны, и на основании анализа Авесты – с другой, объясняются влиянием выдающейся личности; высказывалось даже предположение, что разделение индийцев и иранцев явилось результатом религиозного раскола. В любом случае территориальная близость иранцев и индийцев сомнений не вызывает, возможно, она стала результатом арийского завоевания Митанни в XV столетии до н. э. Вместе с тем ни время жизни пророка, ни те земли, в которых он проповедовал, точно определить невозможно. Обычно считается, что его родиной была Согдиана, Бактрия или Аррагозия (Nara'uvatis) и его реформы предшествуют вступлению на престол Дария I. Холл и Джексон склонны признать его покровителем Вистаспа, или Гистаспа, отца Дария. Вместе с тем Эдуард Мейер, ссылаясь на наличие у мидийцев имени Маздак, зафиксированного в ассирийских хрониках в VIII веке до н. э., полагает, что учение Зороастра уже существовало в это время. Концепция космического порядка (Asa) приобрела важное значение уже в XV веке до н. э., о чем свидетельствуют имена митаннийских и сирийских правителей, и это можно рассматривать в качестве свидетельства в пользу более ранней даты. Тот народ, среди которого проповедовал пророк, следует рассматривать как восточную ветвь иранцев.

Сведения о западноиранских соплеменниках авестийских ариев появляются в исторических документах не ранее VIII века до н. э. Первое достоверное свидетельство о миндийцах относится к тому времени, когда ассирийцы встретили их далеко на западе, вблизи озера Урмия. Но столица их государства, Экбатана, во главе которого стояла династия правителей с иранскими именами (Fravartis, Uvaksathriya и т. д.), располагалась гораздо восточнее. Затем, в VII веке до н. э., персы, которыми правил Тейспес (Гиспис), утвердили собственную династию среди эламских аншанитов, проживавших к востоку от Суз, чтобы двинуться отсюда на запад при царе Кире сто лет спустя. Эти народы принято считать западными иранцами. Их появление на страницах истории, сначала в области озера Урмия, следует считать простой случай-

ностью, явившейся следствием агрессивных действий Ассирии и, соответственно, географических познаний ассирийцев. Как свидетельствуют самые ранние ассирийские анналы, самые западные части нагорья к северу от Месопотамии были заняты неиндоевропейскими малоазийскими народами, родственными основной части населения Митанни эпохи, нашедшей отражение в папирусах из архива в Телль-эль-Амарне (Египет), тогда как собственно иранцы вообще не упоминаются в клинописных текстах. Это неиндоевропейское население оставило после себя так называемые надписи из Вани (Армения). В этническом плане оно больше всего напоминало малоазийские или хеттские типы, изображенные на барельефах из Телль-эль-Халафа.

Тем не менее Хьюзинг, который размещает упоминаемую в Авесте *Airyanam vaejanh* («родина ариев») в Армении, утверждает, что иранцы появились на территории Ирана только в I-м тысячелетии до н. э., а до этого они проживали совместно с индийцами к северу от Кавказа. По всей видимости, ответ на это утверждение можно найти при анализе самых ранних частей Авесты и сопоставлении их с документами из Митанни. Сходство в том и в другом случае можно объяснить, только если принять гипотезу о переселении части населения из района озера Урмия в Пенджаб; его религиозные верования послужили основой для реформ Заратустры. Отмеченное выше единство должно было все еще существовать во времена этого пророка, а не исчезнуть, как полагает Хьюзинг, примерно в середине 2-го тысячелетия до н. э., когда индийцы должны были пересечь Кавказский хребет. К тому же митаннийские и сирийские имена с основой на *Arta-* имели, как мы уже отмечали, явно иранскую огласовку уже в XV столетии до н. э.

Помимо всего сказанного о присутствии иранцев к югу от Кавказа к 1000 году до н. э., есть ли у нас хоть какие-нибудь доказательства обитания иранцев к северу от этих гор в более раннее время? В VIII веке до н. э. народ, который ассирийцы называли аргузай (*Azgzai*), а греки – скифами, пересек Кавказ, чтобы вторгнуться в Месопотамию. Многие исследователи считают, что скифы были иранцами. Данные лингвистики, которые ограничиваются несколькими именами собственными, в основном более позднего времени, являются не очень убедительными. Однако археологам этот народ хорошо известен. Без всякого сомнения, скифское искусство испытало на себе сильное иранское влияние, но нельзя сказать, что оно сформировалось под влиянием искусства какого-нибудь определенного иранского народа, например персов, – оно имеет свою собственную уникальную индивидуальность. Опять-таки иранец, представленный на золотой пластинке из Окского клада (фото 2, Б), одет в скифский костюм. Решающее значение для этнической идентификации скифов приобретает изучение их погребального обряда. Он сильно отличается от того обряда, который был присущ иранцам или индийцам, как, впрочем, и любому другому индоевропейскому народу. В гробницу вождя помещались убитые жены и слуги, а вокруг погребальной камеры устанавливались насаженные на кол чучела лошадей. Эти обычаи описаны Геродотом, их следы найдены при раскопках многих курганов, но они совершенно неарийские. Они находят точные соответствия у кочевников Монголии, которых никак нельзя отнести к ариям, причем они существуют у них на протяжении многих веков, как было показано Миннзом. Он считает скифов монголоидными предшественниками гуннов, татар и печенегов, и это не вызывает сомнения.

Профессор Ростовцев, который являлся последним сторонником иранской гипотезы происхождения скифов, сам же и породил сомнения в этом¹¹. Он убедительно доказал отличие сарматов, которые, без всякого сомнения, были иранцами, от их предшественников скифов. В могилах сарматов не встречается ни массовых захоронений лошадей, ни убитых женщин и слуг, их погребальный обряд был более простым, хотя погребальный инвентарь при этом был гораздо богаче. Их погребальный обряд находит аналоги и у других индоевропейских народов.

¹¹ В настоящее время иранское происхождение скифов признано всеми исследователями и не вызывает никаких сомнений. (Примеч. пер.)

Присущие им гробницы нового типа раньше всего появляются в восточной части России, в Оренбургской области, в V веке до н. э. и оттуда постепенно распространяются на запад, в глубь территории скифов – в Крым во II столетии н. э. и в Подунавье примерно к 50 году н. э. После того как стало ясным отличие сарматов от скифов, исчезли реальные основания считать последних иранцами. Стало понятно, откуда у них появились иранские имена в римское время, а также иранские слова в языке современных осетин.

Точно так же и попытка Хьюзинга доказать европейское происхождение скифов выглядит совершенно неуместной. Самые ранние скифские погребения первоначально появляются в степях между Кубанью и Днепром. Материалы VIII–V веков до н. э., находящиеся к западу от Днепра, весьма отличаются от скифских и обнаруживают несомненные черты сходства с галлыштатской культурой, получившей распространение в Центральной Европе. Только с VI века до н. э. погребальные обряды и отдельные предметы, более характерные для восточных областей, начинают проникать в западную часть России и становятся обычными там только два столетия спустя. На самом деле имеются археологические свидетельства проникновения скифов в Болгарию, Венгрию и восточную часть Германии, но там они были только захватчиками, пришедшими с востока.

Таким образом, если вопрос со скифами счастливо разрешился, то все еще остаются киммерийцы, также претендующие на иранское происхождение. Предположительно во время Гомера этот народ жил на северных берегах Черного моря, и его имя сохранилось в названии существовавшего там античного государства – Боспор Киммерийский. Однако если сопоставить рассказ Геродота с данными ассирийских источников, то выясняется, что скифы выдавили некоторую часть киммерийцев в юго-восточном направлении, в Закавказье, где они появляются под названием *Gimiri*. Некоторое время они обитали к северу от государства Урарту. В это же самое время другая их часть, смешавшись с фракийским племенем треров, вторглась в Малую Азию с запада. Таким образом, чтобы смешаться с племенами юга России, монгольским захватчикам необходимо было проникнуть далеко на север, в Оренбургский край, где впервые появляются сарматы, но не было никакой необходимости проникать далеко на запад. В настоящее время единственным основанием для иранской атрибуции киммерийцев является только имя их вождя Сандакхашатра. Без всякого сомнения, оно является иранским, хотя имя его отца – Тугдамми или же Лигдамис, как его называет Страбон, – отнюдь не арийское. Но это имя появляется у них только после того, как киммерийцы уже в течение некоторого времени проживали на территории Армении, и это слишком слабое доказательство пребывания иранцев на северных берегах Черного моря в столь раннее время. Я склонен согласиться с точкой зрения профессора Ростовцева, что киммерийцы были одним из индоевропейских народов, но родственным фракийцам¹².

Таким образом, у нас нет достоверных свидетельств пребывания иранцев на территории Европы ранее 600 года до н. э. Скифы, по всей видимости, были монголами, а киммерийцы – фракийцами. Первыми иранцами, появившимися на нашем континенте, были сарматы, которые пришли туда с востока, – это показывает, как прочно иранский язык и культура распространились уже в первой половине 1-го тысячелетия до н. э. в Средней Азии. Судя по сообщениям ассирийских хроник, в Азии иранцы первоначально появляются на северо-восточных границах их государства, но при таких обстоятельствах, которые позволяют предполагать, что иранцы контролировали значительные районы не на севере, а на востоке. Поэтому утверждение, что эта часть ариев заняла горные местности Ирана еще до 1000 года до н. э., в качестве рабочей гипотезы имеет право на существование.

¹² В свете последних данных иранское происхождение киммерийцев, точно так же как и их связь с Северным Причерноморьем, отрицается большинством исследователей. Обращает на себя внимание их самоназвание *Gimiri*. Близкие по созвучию названия засвидетельствованы в северной части Малой Азии, в Армении и на Северном Кавказе, прежде всего в Дагестане. По всей видимости, именно там и обитали исторические киммерийцы. (*Примеч. пер.*)

Археологам не удастся выделить самые ранние следы материальной культуры иранских народов из общего комплекса ассирийской и вавилонской культур. Раскопки древнейших мидийских и персидских городов, таких как Экбатана или Рагае, должны дать исключительно важные результаты. Уже сейчас мы можем проследить наличие связей между Ираном и Западом, уходящих в глубь времен вплоть до 3-го тысячелетия до н. э. В качестве примера можно привести воронковидный кувшин раннеминойского типа, найденный в Персии, который теперь хранится в Лувре. Подобный кувшин был найден и на одном из поселений культуры Анау (Туркестан), расположенном немного севернее. На этом же самом поселении обнаружены булавки со спиралевидными головками, а также глиняные печати, которые имеют ближайшие аналогии в Трое, располагавшейся на берегах Геллеспонта. Но мы все еще не можем точно сказать, следует ли рассматривать эти находки как следствие прямых контактов, или же в том и в другом случае они появились под влиянием шумерской культуры; серп из того же самого хронологического горизонта в Анау, который уже давно был известен в Трое, как показали раскопки в Кише, был месопотамского типа.

В исторические времена мидийцы и персы славились как верховые наездники; индийцы времен создания Вед предпочитали запрягать лошадей в колесницы и только в исключительных случаях ездили верхом. Иранцы носили штаны, индийцы ведических времен – нет. Эти изменения в обычаях должны были последовать за распадом индоиранского единства. Что же касается погребального обряда, то после реформ Заратуштры умерших принято было помещать в так называемые «башни молчания», которые существуют в Персии и по сей день; делалось это для того, чтобы не осквернять священную Землю и Огонь, помещать в них трупы и кремировать останки запрещалось. Но цари из династии Ахеменидов были погребены в вырубленных в скале гробницах, а тот факт, что в Авесте говорится о запрещении кремации, доказывает, что подобный обряд все-таки существовал в Древнем Иране.

Этнический тип древних персов, представленный изображениями правителей из династии Ахеменидов, легко позволяет отличить их от хеттов, семитов или эламитов; их характерными особенностями являются приподнятые брови и узкий нос (фото 2, А). Только антропологическое обследование черепов может показать, имеем мы дело с северным или евроафриканским типом. Основные длинноголовые народы, населяющие Иран сегодня, принадлежат именно к последней расе. Однако наличие вплоть до сегодняшнего дня среди курдов, а также среди части населения, проживающего в районе Персеполя, блондинов является неоспоримым фактом. В свою очередь, китайские историки сообщают о голубоглазых людях, живших в Восточном Туркестане около 100 года до н. э. По всей видимости, иранцам удалось достичь бассейна Тарима еще до начала нашей эры. То обстоятельство, что они смогли преодолеть такие огромные расстояния, заставляет предполагать, что они вели полукочевой образ жизни. Хотя в гатах Зороастра, где зарисовки сельской жизни представлены в изобилии, главным достоинством ария считается занятие земледелием, а кочевники проклинаются, как грабители из Турана. Следует, конечно, помнить, что существование империи Ахеменидов и наличие у нее мощной армии привело к иранизации множества народов, проживавших на ее обширной территории.

Теперь мы можем сделать вывод, что индоиранские народы, появившиеся на северо-восточной границе Месопотамии совместно с касситами около 1900 года до н. э., были всего лишь авангардом индоевропейцев. Их западная ветвь достигла Митанни еще до 1500 года до н. э., а восточная ветвь примерно в это же самое время – Индии. Можно предположить, что простиравшаяся между ними горная местность была занята народом, который тысячу лет спустя стал известен как иранцы, выделившись из первоначальной индоиранской общности, смешавшись с неиндоевропейскими малоазийскими и туранскими племенами. Как и откуда основная масса индоиранцев попала в эту область, до сих пор не ясно; для этого у нас слишком мало данных. Этот вопрос все еще ждет своего рассмотрения.

Глава 3. Расселение индоевропейских народов в бассейне средиземного моря

Эллины и жители Эгейды

Следующей областью земного шара, на которую нам хотелось бы обратить внимание, является бассейн Средиземного моря. У нас есть основания полагать, что на этих землях, занятых в классические времена индоевропейским населением, ранее обитали неиндоевропейские племена. Об этом свидетельствуют топонимы, немногочисленные надписи, а также историческая традиция. Однако письменная традиция в этой области появляется слишком поздно. В этой связи наибольшую ценность приобретают данные археологии.

В бассейне Эгейского моря ранний период истории можно изучать на основании исключительно богатых и обильных археологических находок. Но в наших сведениях есть один пробел. Нам прекрасно известна греческая цивилизация, уходящая корнями в эпоху раннего железного века или же геометрического периода. Ей предшествуют «темные века», при изучении которых даже данные археологии мало чем могут помочь, а на другой стороне этой пропасти во всем своем блеске возвышается микенская цивилизация, которая процветала между 1600 и 1200 годами до н. э. Своими корнями она уходит еще в 4-е тысячелетие, и искать их надо, с одной стороны, на Крите, а с другой – в ряде местных культур, существовавших в материковой Греции. Анализ топонимов свидетельствует о присутствии неиндоевропейских народов на берегах Эгейского моря. Для нас основной вопрос заключается в следующем: проник ли индоевропейский элемент (будем называть его эллинами) в этот район только в течение «темных веков» или же эллины жили на территории Греции еще в микенский или даже домикенский период? Я не претендую на то, что в рамках данного исследования смогу дать исчерпывающие ответы на все эти вопросы или же подробно их рассмотреть, объем книги позволяет мне ограничиться только самым общим обзором состояния проблемы.

Если мы обратимся к греческой традиции, то обнаружим, что у эллинов сохранились воспоминания о значительных передвижениях населения в этом районе. Так, дриопы пришли в Арголиду из Центральной Греции; фессалы выдвинулись из Эпира, «чтобы заселять эолийскую землю» Фессалии; элеаны переселились из Этолии в западную часть Пелопоннеса; хорошо всем известные дорийцы, некогда обитавшие в районе горной гряды Пинд, расположенной на территории Македонии, захватили Беотию, Лаконию, Арголиду и остров Крит. Но с одной стороны, сами греки никогда не считали, что эти народы переселились в южную часть Балканского полуострова откуда-то издалека; Македония была самой крайней точкой, о которой упоминает традиция. Наряду с этим сами греки считали, что те народы, которых эти переселенцы завоевали, были греками; однако вплоть до дорийского завоевания здесь жило не только индоевропейское население – его часто называют автохтонным. Дошедшая до нас неопределенная фраза о «сыновьях Эллады, призванных помочь государствам» не имеет никакого отношения к процессу заселения эллинами этой территории, а относится только к дорийцам. Все другие греческие племена, возможно, были здесь исконными обитателями.

Лингвистические данные лишь частично согласуются с исторической традицией; на основании их анализа в греческом языке выявляются по крайней мере две разнородные страты. Греческий язык делится на четыре главных диалекта: эолийский, аттическо-ионийский, кипро-аркадский и дорийский. Все эти диалекты выросли на одной и той же почве. Даже если они и не возникли на основе единого греческого языка, то во всяком случае они настолько близки друг другу, что должны были дифференцироваться друг от друга на строго ограниченной террито-

рии. Например, было бы неверным утверждать, что дорийский диалект должен был развиваться где-нибудь в долине Дуная, а на ионийском диалекте говорили в Аттике еще за тысячу лет до этого. По всей видимости, распространение диалектов отражает проникновение дорийского диалекта в области, ранее занятые другими диалектами. Аркадия, население которой говорило на своем собственном диалекте, представляла собой подобие острова внутри Пелопоннеса, оказавшись отрезанной морем дорийских диалектов от родственного в языковом плане населения Кипра. В западной части Фессалии дорийские элементы наслоились на более древнюю эолийскую основу. В Центральной Греции дорийские диалекты, на которых разговаривали в Ахее, Фокиде и в земле локров, вклинились между эолийскими диалектами Беотии и Восточной Фессалии. Хотя, возможно, эолийский диалект в последнюю из упомянутых областей проник вместе с переселенцами из Арне в Фессалии, изгнанных дорийским племенем фессалов.

Согласно наиболее популярной гипотезе, проникновение дорийского диалекта в восточную часть полуострова связано с переселением туда дорийских племен дриопов и фессалов. Но на самом деле все может оказаться гораздо сложнее. Р. Мейстер предлагает признать в качестве свидетельства распространения дорийского диалекта не общие признаки, характерные для всех западногреческих диалектов, а лишь некоторые особенности, над которыми насмеялись аттические трагики. Если согласиться с теорией Мейстера, то из этого следует, что проникновение западногреческих диалектов, которое отрезало жителей Аркадии от их родственников на Кипре, началось еще до вторжения сюда дорийцев; автор даже периэков Лаконии, которые не были дорийцами, рассматривает в качестве носителей западногреческих диалектов. Так что нам придется считаться с вероятностью того, что переселение западногреческих племен происходило в два этапа. В любом случае мы столкнемся с очевидными трудностями, если предположим, что в течение «темных веков» сначала произошла эллинизация Кипра и Аркадии, Аттики, Беотии и Восточной Фессалии, а затем произошло завоевание или изоляция этих территорий вследствие последующих вторжений из Западной Греции.

А что было до вторжения дорийцев? Ему предшествовал так называемый героический век, описанный в поэмах Гомера и в более поздних легендах, в которых он предстает во всем блеске и великолепии. Предыдущие исследователи сделали немало, чтобы поднять кредит доверия к трудам Гомера и доказать, что они содержат ценную историческую информацию. Археологи открыли нам все великолепие эпических цитаделей; Т.В. Аллен доказал, что в гомеровском «каталоге кораблей» отражена ситуация, которая не имеет ничего общего с политическими пристрастиями более позднего времени, но точно отражает ситуацию, существовавшую в Греции еще до дорийского вторжения. Как только египетские и хеттские источники должным образом будут изучены, народы и отдельные персонажи, упомянутые в героических мифах, обретут черты исторической реальности.

Однако интерпретация этих источников и их сопоставление с результатами археологических раскопок все еще представляет известные трудности. Гомер описывает тот период в истории Греции, когда в большинстве государств правили «ахейские» династии. Первый вопрос заключается в следующем: были ли эти ахейцы, которые возглавили военную экспедицию против Трои, эллинами? Сами греки полагали, что именно так оно и было; Гомер и более поздняя традиция описывают их как почитателей индоевропейского божества – Зевса. Их образ жизни весьма напоминает тот, который, судя по Ригведе, вели индийские правители или же, судя по эпосу северных народов, вожди германских племен. Вместе с тем их имена – Одиссей, Ахилл, Пелопс – лишь с большим трудом, с помощью немыслимой фонетической эквилибристики, можно отнести к числу индоевропейских. Более поздняя традиция с немыслимым единодушием приписывала Пелопидам, Данаидам и прочим аристократическим греческим родам малоазийское происхождение, именуя их фригийцами, лидийцами или ликийцами. В других случаях, как кажется, их истоки следует искать на юге, на минойском Крите, где возникла

великолепная цивилизация средиземноморского типа, уходящая корнями еще в 4-е тысячелетие до н. э.

Сэр Артур Эванс уже давно высказал идею относительно возможности существования минойского эпоса, записанного минойским письмом и, скорее всего, на негреческом языке. Для того чтобы объяснять наличие минойских сюжетов в греческих мифах, он предположил, что Гомер мог включить некоторые эпизоды из минойского эпоса в свои произведения. Недавнее открытие эпизодов героического мифа, запечатленных на минойско-микенских кольцах с печаткой, может служить подтверждением его слов. Аллен пошел еще дальше, утверждая, что некоторые эпизоды так называемой «героической хроники» были доработаны Гомером, который, как он считает, жил на острове Хиос, а ее другая версия сохранилась в легендарной традиции Крита. Возможно, что она также была составлена на минойском языке и записана минойским письмом. Нет ничего невероятного в том, что греческие завоеватели могли воспринять не только культы своих предшественников, но также и названия, которые они встретили на вновь занятых землях. Вполне возможно, что догреческое население было ассимилировано ими и более поздняя традиция повествует о негреческих героях, которые, впрочем, ничем не отличаются от самих греков, прибывающих к ним из Азии или с Крита. Между 1600 и 1450 годами до н. э. минойская цивилизация распространяла свое влияние с юга на север. Появление больших царских гробниц служит надежным показателем появления династий местных правителей, предки которых, вероятно, жили на Крите, у более отсталого населения материковой Греции.

Вполне вероятно, что при решении этого вопроса большую помощь могут оказать хеттские анналы. Если упоминаемый в них Тавагалавас, правивший в области Аххиява около 1325 года до н. э., на самом деле носил греческое имя Этеокл, то отпадут всякие сомнения относительно присутствия эллинов (которые, как известно, были индоевропейцами) в бассейне Эгейского моря или в непосредственной близости от него в XIV веке. Индоевропейская принадлежность имени последнего не вызывает никаких возражений. Еще приблизительно столетие спустя в документах появляются упоминания об Алакшандуше, то есть об Александре, а это имя, безусловно, греческое.

Но признание того факта, что ахейцы Гомера были на самом деле греками, ставит перед нами следующий вопрос. Говорили ли они на восточногреческих диалектах – кипро-аркадском, ионийском и эолийском – или же на некоем праязыке, от которого произошли эти три диалекта, или же они говорили на одном из западногреческих диалектов? В первом случае их вполне можно было бы считать первыми эллинами, а во втором – их можно было бы считать теми, кто способствовал изоляции жителей Аркадии, и, таким образом, в основе греческого языка лежат аркадский, аттический и эолийский диалекты, а теория Мейстера должна быть признана несостоятельной. Первая из упомянутых гипотез кажется более правдоподобной. Кипро-аркадские элементы ясно различимы во многих областях, в которых Гомер или хеттские источники отмечают присутствие ахейцев, – например, Крит или Памфилия. Вместе с тем западногреческие элементы там отсутствуют. Опять-таки кипро-аркадские слова ясно различимы в языке, присущем греческому эпосу.

С другой стороны, Чадвик отмечал, что ахейские диалекты испытали на себе сильнейшее влияние диалектов Западной Греции и что жители именно этих областей с полным правом могли бы считаться потомками ахейцев времен Гомера, если бы до нас не дошли сведения, что эти районы испытали на себе сильное дорийское влияние. Тем не менее в разных частях ахейского мира – в Арголиде, Мессении, на острове Кос, в городе Калимна на Родосе – в античное время говорили на различных западногреческих диалектах, и во всех этих случаях у нас нет оснований полагать, что эти районы были заняты дорийцами. Вероятно, что во взглядах Чадвика есть рациональное зерно.

Наконец, были ли эти ахейцы аборигенами или же пришельцами? Насколько нам известны их династические списки, они, вне всякого сомнения, были здесь пришельцами; их правители могли указать своих предков не далее четвертого поколения; далее они, как писал Геродот, «возводили свой род к богу». Кроме того, часто говорится о том, что они лишь недавно заняли трон, когда их представитель женился на дочери прежнего правителя. Чадвик очень точно сравнил эти и другие явления, присущие героическому веку Эллады, с формированием германских королевств на руинах Римской империи. Контакты с римской цивилизацией способствовали не только разложению варварского общества, но и появлению военных вождей, чей личный статус и менталитет мало чем отличались от тех, которые были присущи Агамемнону или Ахиллу. Наряду с этим во время службы в римских легионах варвары приобрели такой опыт, что смогли захватить владения своих прежних хозяев почти без сопротивления. Менее вероятным представляется гипотеза, согласно которой ахейцы были культурными героями, священными правителями, которые, как предполагает сэр Джеймс Фрейзер, придерживались обычая экзогамии и поэтому вынуждены были искать себе новые царства.

Но признание того факта, что ахейские правители были в Эгеиде пришельцами, не решает вопроса об их происхождении, который все еще далек от ясности. Некоторые из них, как мы уже отмечали, прибыли из Азии; другие, среди которых можно выделить отца Ахилла Пелея, правившего во Фтии, прибыли с юга, в данном случае с острова Эгины; у Диомеда, правившего в Аргосе, предки были родом из Этолии; Атрей прибыл в Микены непосредственно из Пизатиса, располагавшегося на западном побережье Пелопоннеса; эолийские правители Пилоса в Трифилии произошли из Фессалии.

Новые свидетельства по интересующему нас поводу были недавно получены из совершенно неожиданного источника, но они скорее усложняют, чем способствуют разрешению ахейской проблемы. В письме хеттского царя Мурсилиса упоминается некий Антаравас, о котором говорится, что он был правителем областей Аххиява (Ахей) и La.az.ba (Лесбос?). Другой правитель Аххиявы, который, возможно, был сыном только что упомянутого правителя, носил имя Тавагалавас и прозвище Ayavalaas (Эолийский?). Доктор Форрер склонен отождествлять этих двух правителей XIV века до н. э. с Андреем и Этеоклом, которые считаются основателями минийской династии, правившей в Орхомене. Спустя почти столетие некий Аттарашшияс, правитель Аххиявы, опустошает побережье Кари и Кипра и становится союзником царя хеттов. Он и его помощник получают титул Kurivanyes. В этом правителе немецкий дешифровщик¹³ мог бы признать Атрея, отца Агамемнона. Алакшандуш из Вилусы несколько ранее упоминается в договоре другого хеттского правителя, Мутталлиса (1310-1290 годы до н. э.). Название племени ахейцев уже давно было выделено доктором Х.Р. Холлом среди так называемых «народов моря», которые напали на Египет во времена правления фараона Мернептаха, около 1230 года до н. э. Несколько позже Аутран предположил, что ахейцы скрываются в Библии под именем гивитов.

Необходимо отметить, что все эти народы и правители, упомянутые в хеттских надписях, вне всякого сомнения, связаны с Малой Азией. С точки зрения правителей Богазкея, владения ахейцев, по всей видимости, должны были располагаться в Памфилии. Однако доктор Форрер отмечает, что их правители считались весьма важными фигурами, равными по положению египетским фараонам, а также правителям Ассирии и Вавилонии, и заключает, что Памфилия была только восточной окраиной их огромной страны, основная территория которой располагалась в Греции. Профессор Сэйс сомневается в справедливости подобного вывода и скептически относится к предложенным отождествлениям Андрея, Этеокла и Атрея, хотя и не отрицает упоминания в хеттских источниках этнонимов «ахейский» и «эолийский». Поэтому у нас есть

¹³ Имеется в виду Фридрих Грозный, расшифровавший в годы Первой мировой войны хеттскую клинопись, который на самом деле был не немцем, а чехом. (Примеч. пер.)

основания утверждать, что эти ахейцы были либо азиатским народом, собиравшимся завоевать Грецию, либо же изгнанным оттуда, возможно дорийцами. Так что точка зрения доктора Форрера о наличии эолийских правителей у ахейцев за более чем сто лет до начала Троянской войны может быть подвергнута сомнению. Однако, несмотря на все сомнения, эти потрясающие открытия в целом свидетельствуют в пользу того, что греческие династии правили в Греции уже в XIII столетии до н. э., то есть до прихода туда дорийцев. Пока согласимся с подобным утверждением, однако только в самых общих чертах, поскольку оно противоречит исторической традиции, на основании которой принято интерпретировать археологические материалы.

Хотелось бы начать с дорийцев, которые занимают важнейшее место в греческой традиции.

Не вызывает сомнения, что их вторжение имело катастрофические последствия, однако проследить его по данным археологии крайне сложно. Несмотря на очевидный контраст между микенской культурой и культурой геометрического периода, которые разделяют «темные века», последовавшие за их вторжением, при более внимательном взгляде выясняется, что культура Греции архаического и классического периодов немало унаследовала от микенской культуры. Более того, многие черты культуры железного века Эллады находят немало аналогий в Азии (Кипр, Северная Сирия и Палестина), и, хотя бы отчасти, это находит свое объяснение в том, что в их основе лежали общие культурные традиции. Но традиция заставляет нас обратить свой взор к северу, чтобы попытаться выявить те черты материальной культуры, которые можно связать с дорийцами. В последнее время в Спарте, которая была важнейшим дорийским центром в античное время, Кассону удалось выявить некоторые предметы, которые имеют к данной теме непосредственное отношение. Среди них можно упомянуть броши или фибулы в форме двойных спиралей, которые обычно называют очковидными фибулами (рис. 8, 9). Вместе с ними обычно находят забавные игрушки в виде лошадок или птичек, изготовленные из бронзы или глины. На основании находок этих брошей Кассон смог проследить пути расселения дорийцев, которых античные авторы связывали с Македонией.

В долине реки Вардар и далее на запад, в сторону озера Острово, этот же самый автор выделил культуру раннего железного века, точная датировка которой до конца еще не ясна, однако там также обнаружены фибулы и изделия из бронзы только что отмеченных типов, причем совместно с расписной геометрической керамикой. Кассон придерживается традиционной точки зрения, когда связывает выявленные памятники с протодорийцами; он также обращает свой взор дальше на север, пытаясь связать с ними галлыштатские и догаллыштатские культуры Иллирии и долины Дуная. Возможно, очковидные броши и на самом деле происходят из той области, точно так же как и некоторые типы керамики с территории Македонии имеют явные иллирийские аналогии, среди которых можно выделить вазы с ручками. Тем не менее, хотя факт вторжения в Грецию из Центральной Европы нельзя считать доказанным, подобную вероятность все-таки не следует сбрасывать со счетов.

Ни в Македонии, ни далее к югу мы не находим свидетельств переселения туда носителей культур галлыштатского или близкого им времени с территории Иллирии или Подунавья. Керамику раннего железного века из долины Вардара нельзя считать типично галлыштатской или же связать ее с какой-нибудь другой археологической культурой Центральной Европы этого времени; напротив, по своим типологическим особенностям она уходит корнями в местную балканскую традицию, которая некогда широко распространилась по долине Дуная, Иллирии и даже Северной Италии, прочно утвердившись на юго-западе Балканского полуострова к 2000 году до н. э. Формы ваз, кувшинов со срезанными горлышками (рис. 4), кубков с высокими ручками и даже фантастические типы ручек, которые считаются типично иллирийскими, восходят к прототипам, которые бытовали в Фессалии еще в конце 3-го тысячелетия до н. э. (в третьем «домикенском» периоде, синхронном раннеэлладскому периоду). Орнаментация сосудов, которая весьма отличается от той, что была характерна для галлыштатской традиции, восходит

к сосудам так называемого микенского типа в Фессалии (рис. 6, 5). Оттуда же, по всей видимости, она попала и в долину Вардара. Наличие культурных контактов могло бы объяснить и находки в том и в другом районе бронзовых статуэток.

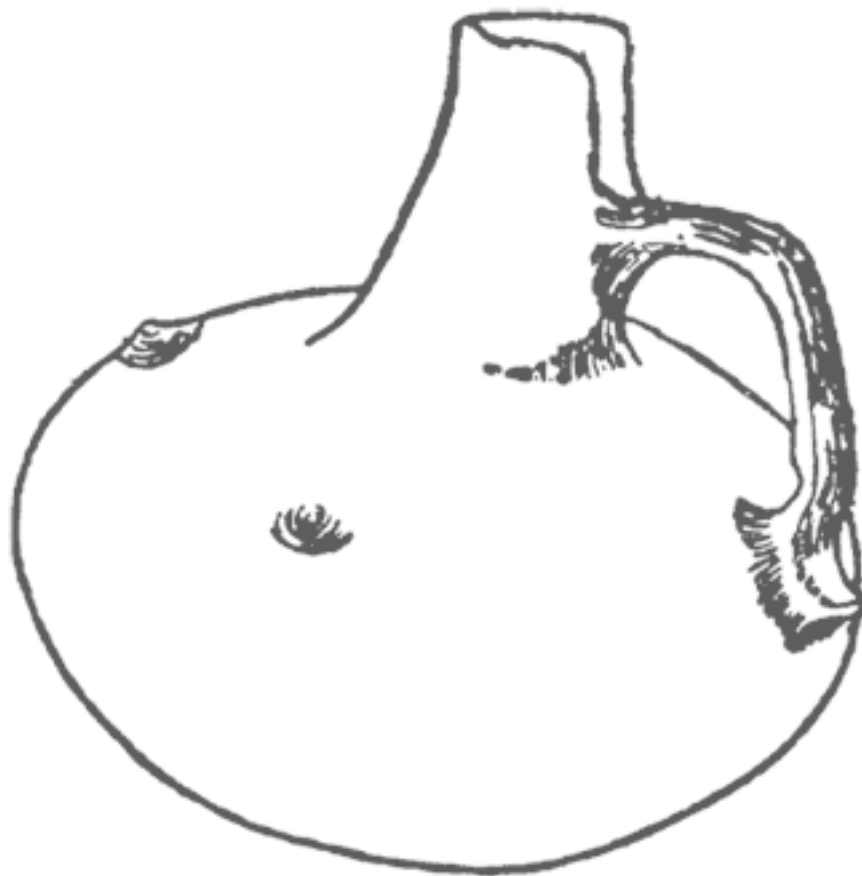

Рис. 4. Кувшин раннего железного века

Исходя из всего сказанного, я склонен рассматривать культуру раннего железного века Македонии в качестве местного варианта более древней культуры Южных Балкан, которая заимствовала некоторые элементы у своих центральноевропейских соседей. Дорийцы входили в число создателей этой цивилизации и перенесли во время своего переселения присущие ей традиции на юг. Возможно, что с исконных мест обитания их вытеснили иллирийские и кельтские племена, жившие к северу и западу от них.

Ахейская проблема до сих пор остается крайне запутанной. Ее решение все еще зависит от нашего подхода к поэмам Гомера. С одной стороны, политическая география и цивилизация ахейского периода в том виде, как они описаны у Гомера, больше всего соответствуют реалиям микенского периода. В качестве родных мест своих героев Гомер называет важнейшие центры микенского периода, которые впоследствии утратили свое значение. Богатства Микен и Пилоса, в котором правил Нестор, описанные Гомером, были неоспоримой реальностью в XVI и XV столетиях до н. э. Кроме того, микенская цивилизация распространяла свое влияние вплоть до тех областей на севере, где, согласно традиции, жили некоторые ахейские правители. И не только это. Есть археологические свидетельства в пользу того, что в Микенах правили две династии – более древняя, представители которой погребены в знаменитых шахтных гробницах, и более молодая, представители которой сооружали величественные ульевидные гробницы. Именно в годы их правления микенская цивилизация достигает своего наивысшего

могущества и богатства. Легендарная традиция также говорит о двух династиях, правивших некогда в Микенах, – Персеидах и Пелопидах! Таким образом, легендарные персонажи героического века обретают плоть и кровь и предстают перед нами как культурные герои, которые принесли свет цивилизации на землю Эллады, заселенную варварскими народами. Стоит ли сомневаться в словах Т. Аллена, который писал: «безымянные» микенцы были ахейцами?»

С другой стороны, бросается в глаза хронологический разрыв между ахейским и микенским периодами, и, по мере дальнейших исследований, он становится все более явным. Микенская цивилизация достигла своего наивысшего могущества около 1400 года до н. э., а самое раннее упоминание об ахейцах относится к концу XIV столетия, и, если Форрер прав, Атрей правил еще на сто лет позже. Дело также в том, что известные нам микенские центры не полностью совпадают с ахейскими центрами, упомянутыми Гомером в так называемом «Каталоге кораблей». Приведем только один пример, упомянутый Алленом. В долине Сперфея, который протекал в царстве Пелея на Эгине, по словам Гомера, жили «ахейцы» и «эллины», которых он различает между собой, но в этом районе не было найдено ни одной могилы микенского периода.

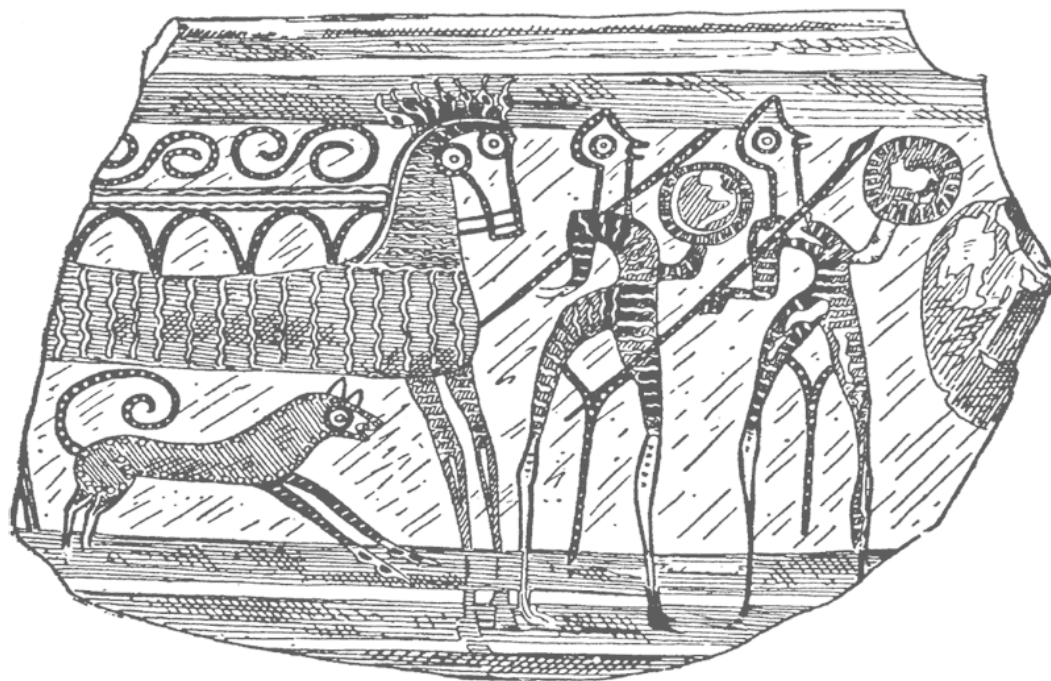

Рис. 5. Ахейский черепок микенского периода, изделие из Тиринфа

Наконец, сколь сильно цивилизация, описанная Гомером, ни соответствовала бы микенской, все же между ними заметны определенные различия. Микенцы обычно использовали огромные щиты, напоминавшие с виду башню, которые закрывали все тело. Но при этом микенцы не носили доспехов. Ахейцы же, по словам Гомера, вместо этих больших щитов носили маленькие круглые щиты и облачались в защитные нагрудники. Микенские мечи были предназначены исключительно для того, чтобы колоть противника (рис. 25, 1 и 2); Гомер упоминает о мечах, которые могли использоваться и в качестве рубящего оружия. В микенскую эпоху железо использовалось только для орнаментальных целей; эпоха Гомера была бронзовым веком, но в некоторых эпизодах его поэм упоминаются железные инструменты, и никак иначе эти эпизоды трактовать нельзя. И наконец, микенцы всегда хоронили своих усопших в сводчатых или же в вырубленных в скале гробницах, тогда как ахейцы в поэмах Гомера практиковали обряд кремации.

Учитывая все это, некоторые авторитетные ученые, такие как сэр Уильям Риджвей, доктор Маккензи и профессор Чадвик, предлагают следующее решение проблемы. Микенский период XVI–XV столетий до н. э. был переходным этапом, сохранявшим наиболее характерные черты микенской цивилизации, но в течение которого уже стали проявляться новшества, присущие ахейской цивилизации. И на самом деле, мы находим среди очень поздних произведений изобразительного искусства микенского периода изображения доспехов и круглых щитов (рис. 5 и фото 3, А), рубящих мечей (рис. 25, 3-4), иногда встречается обряд кремации. С погребениями последнего типа часто связаны предметы импорта, такие как броши или фибулы очень простого типа (рис. 8, 1-4). В это же самое время становятся заметными и изменения в манере росписи керамики. Если в микенский период преобладал свободный стиль с присущими ему морскими или растительными мотивами, то теперь намечается переход к строгому стилю, с присущим ему стремлением к симметрии и правильным пропорциям, в котором уже заметны отличительные особенности вазовой живописи античного периода и для которого характерен интерес к изображению человеческого тела. Кроме того, некоторые более поздние мотивы вазовой живописи иногда странным образом проявляются в некоторых произведениях типично микенского репертуара. В состав недавно найденного «клада» этой эпохи входил хеттский головной убор, который доказывает реальность набегов, упоминающихся в хеттских надписях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.